

профессор А. П. Лопухин

Толковая Библия
Толкование на книгу Екклесиаста, или
Проповедника
профессор Александр Павлович Лопухин

Глава [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [12](#)

Книга Екклесиаста, как видно из ее начала, содержит в себе слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме. Так как лишь один сын Давида был царем, именно Соломон, то очевидно, что этот последний и назван здесь Екклесиастом. Соломон отличался великой мудростью и, как творец многих назидательных притчей, был учителем народа. С таким характером он выступает и в данной книге. Он «был мудр, он учил еще народ знанию», замечает писатель книги в [Еккл 12.9](#). Соответственно этой черте Соломону дано еврейское название Когелет. Оно происходит от корня kaḥal, который в глагольной форме значит: созывать, собирать (- греч. ἐκκαλέο), ср. [Лев. 8:3](#); [Чис 1.18](#); [Втор 4.10](#) и др., в форме существительного имени (как греч. ἐκκλησία) ¹ собрание вообще, религиозное собрание в частности, напр., [Чис 10.7](#); [Пс 21.23, 34.18](#); [Неем 5.7](#) и др. Отсюда евр. koheleth, как и греч. ἐκκλησιαστής значит: созывающий собрание, говорящий в собрании, церковный оратор, проповедник. К такому наименованию Соломона мог дать частный повод в высшей степени знаменательный факт, описанный в [3Цар 8](#) (ср. [2Пар 5–6](#)), когда Соломон при освящении своего храма созвав (jakhel) израильтян, произнес свою замечательнейшую молитву о ниспослании милости Божией всем приходящим во храм, как народу еврейскому, так и иноплеменникам, затем благословив собрание (kaḥal) обратился к нему с речью, в которой молил Бога о том, чтобы Он направил сердце народа на сохранение уставов и соблюдение заповедей. Здесь, таким образом, в наглядной, осязательной форме Соломон явился тем, чем он был для своего народа и во все последующие времена, т. е. когелетом, проповедником. Женская форма еврейского имени указывает или на подразумеваемое существительное shokma (мудрость), или, вероятнее, на официальную миссию Соломона, как народного учителя, так как имена, означающие должность, часто принимали у евреев форму женского рода.

Вероятно, таким путем образовавшееся символическое имя Соломона – Когелет – (Екклезиаст) дало название и самой книге.

Все содержание книги Екклезиаста служит как бы ответом на вопрос: в чем счастье на земле, возможно ли для человека полное, совершенное счастье (Еккл 1.3, 3.9, 5.15, 6.11)? На этот вопрос Екклезиаст самым решительным образом дает отрицательный ответ. Ithron – так называет он совершенное счастье – в отличие от временных и скоропреходящих радостей – невозможно для человека. Ничто в мире и в жизни человека не может дать такого счастья. Отсюда все суетно, все ничтожно и бесполезно.

"Суета сует, все суета«. Вот вывод, к которому пришел Екклезиаст путем долгих и тяжелых исканий, и который он одинаково решительно высказывает как в начале, так и в конце книги (Еккл 1.2, 12.8). Но почему недостижимо абсолютное счастье, почему все оказывается, в этом смысле, бесполезным и суетным? Причина этого в том, что все в мире подчинено неизменным и, в то же время, однообразным законам и вследствие этого находится в постоянном круговращении, не дающем ничего нового, ничего такого, что могло бы хотя в будущем обеспечить достижение Ithron (Еккл 1.4–11). Движение не вперед, а вокруг, беспрогрессивное круговращение наблюдается не только во внешней природе, но и в жизни человеческой, где психические явления чередуются с той же последовательностью, как и явления природы, столь же мало зависят от воли человека, где также есть всему свое время (Еккл 3.1–8).

Эта неотвратимость естественного хода вещей, бессилие человеческой воли изменить его направление, подчинить себе, делают счастье, доступное человеку, непрочным, непостоянным, случайным, скоропреходящим. Человек ни на одну минуту не может поручиться, что счастье не изменит ему. Конечно, такое счастье не есть Ithron. Исследуя затем частные случаи из собственной жизни и жизни людей, Екклезиаст еще более убеждается в том, что ничто не может дать человеку истинного счастья.

Мудрость? – Но она приносит людям мучение, обнажая и в мире и в человеке безобразие и ничтожество, прикрывающееся видимой красотой и целесообразностью, рождая в человеке тяжелое сознание ограниченности его ума и непостижимости всего существующего (Еккл 1.13–18).

Беспечное веселье, пользование всякими удовольствиями и развлечениями? – Но оно оставляет в душе человека мучительное ощущение пустоты и бессодержательности (Еккл 2.1–2).

Радости труда, разнообразной деятельности? – Но они меркнут от сознания ничтожности и случайности результатов труда (Еккл 2.4–11).

Последние зависят не столько от самого человека, его талантов и энергии, сколько от времени и случая (Еккл 9.11). Не зависит от человека и то благо, чтобы есть и пить (Еккл 2.24). Богатство? – Но оно принадлежит собственно не человеку, а жизни. При смерти обладателя оно переходит к наследнику, который может оказаться глупым и злоупотребить наследством (Еккл 2.18–19). Да и при жизни богатые часто чувствуют себя одинокими, мучатся завистью, раздорами, жадностью (Еккл 4.4–8, 6.1–6) или внезапно теряют богатство (Еккл 5.10–16).

Но над всеми этими человеческими скорбями и превратностями царит величайшее зло – смерть, которая одинаково поражает и мудрых и глупых (Еккл 2.14–16), и праведных и нечестивых (Еккл 9.1–3), уничтожая, таким образом, всякое различие между людьми и делая счастье их призрачным. А то, что следует за смертью, состояние в шеоле, есть жизнь без знания, размышления, без любви, надежды и ненависти, жизнь, по сравнению с которой даже печальное земное существование есть благо, так как и псу живому лучше, чем мертвому льву (Еккл 9.4–6,10). Где царствует смерть, там не может быть счастья. Но что же отсюда следует?

Должен ли человек прийти к мрачному унынию, к сознательному отвращению к жизни, столь безжалостно разбивающей все мечты о счастье? Нет!

Там, где, по-видимому, беспросветным туманом должен был нависнуть крайний пессимизм, для Екклезиаста заблестела живая надежда на возможность некоторого счастья, вера в некоторую ценность жизни. Ithron – совершенное счастье для Екклезиаста по-прежнему оставалось недостижимым, но он нашел в жизни сравнительное благо, относительное счастье, то, о чем с уверенностью можно сказать, что это нечто лучшее. На место недостижимого Ithron является возможное для человека Tob.

Что такое это Tob? Чтобы понять и суметь достичь это Tob, для этого необходимо взглянуть на мир и жизнь человека с совершенно новой точки зрения, с точки зрения религиозной, надо на место мирознания поставить богосознание, живое сознание действующей в мире Божественной силы. Все в мире подчинено известным неизменным законам, но эти законы суть ни что иное, как выражение Божественной воли.

Человек зависит не от слепого рока, а от Божественного провидения. Все от руки Божией. Без него человек не может даже есть и пить (Еккл 2.24–26).

Человек не в состоянии препираться с Богом (Еккл 6.10), изменить то, что делает Бог (Еккл 3.14; ср. Еккл 7.13). Он не знает путей Божиих (Еккл

3.16–17), не знает ни будущего, ни целей настоящего (Еккл 3.11, 11.5, 7.14). Хотя пути Божии непостижимы, они не могут быть несправедливы. Бог воздаст каждому по заслугам, наградит боящихся Его и накажет нечестивых (Еккл 8.12–13). Как только человек начинает взирать на мир с религиозной точки зрения, коренным образом изменяется его настроение. Убедившись в том, что судьба человека в руках Божиих (Еккл 9.1), он оставляет все беспокойные заботы и боязливые ожидания будущего, всякое раздражение, огорчение и досаду (Еккл 5.16), которые, ни к чему не приводя, портят настоящее, отравляют всякие радости, и наиболее верное средство к обеспечению будущего видит в приобретении милости Божией сердечной молитвой, благоговейным исполнением обрядов, соблюдением заповедей и обетов (Еккл 4.17, 5.4). Спокойный за будущее он безмятежно наслаждается теми радостями, какие посылает ему Бог (Еккл 7.14). Он с весельем ест хлеб свой, пьет в радости вино свое, считая то и другое за дар Божий (Еккл 9.7, 3.13). Он наслаждается жизнью с женой своей, которую дал ему Бог на все суетные дни под солнцем (Еккл 9.9). Во всякое время одежды его светлы, и елей не оскудевает на голове его (Еккл 9.8). Сладок ему свет и приятно ему солнце (Еккл 11.7). Если Бог посылает ему несчастье, он размышляет (Еккл 7.14) и примиряется с ним, вполне убежденный в целесообразности и справедливости Божественного промысла, в воспитывающей и очищающей силе страданий. Зная, что при печали лица сердце убажается (Еккл 7.3), он намеренно ищет того, что возбуждает печаль. Он предпочитает день смерти дню рождения, дом плача дому пира, сетование смеху, обличения мудрых песням глупых (Еккл 7.1–6). В отношении к людям он проникается чувством незлобия, снисходительности, доброжелательства. Он ищет нравственного единения с людьми, зная, что двоим лучше, чем одному (Еккл 4.9–10).

Уверенный, что от судьбы других людей зависит и его судьба, он всячески содействует их благополучию, щедро раздавая свое имущество (Еккл 11.1–2).

Такое состояние духа, когда человек, всецело вручив себя Божественному провидению, безмятежно наслаждается жизнью, спокойно и благополучно перенося все посылаемые ему испытания, и есть единственно возможное для него счастье, его *Tob*. Но это счастье не полное, оно не может вполне удовлетворить вложенному в человека стремлению к вечному счастью (Еккл 3.10–11). *Ithron* недостижимо. Все суета и томление духа. Вот результат, к которому пришел Екклезиаст. С его учением о шеоле ², с его неопределенным представлением о суде Божиим, с его полным незнанием воскресения мертвых Екклезиаст не мог

прийти к иному выводу. Он искал совершенного счастья «под солнцем», т. е. в пределах земного бытия, но там его не могло быть.

Ниже можно изложить одну из версий (небесспорную, конечно) о происхождении и времени написания книги Екклезиаста.

Книга Екклезиаста в надписании своем (Еккл 1.1) усвояется Соломону. Но само по себе надписание книги не решает окончательно и безусловно вопроса о ее писателе. В древности было в обычае воспроизводить мысли и чувства замечательных исторических лиц в разговорной или поэтической форме. Это было своего рода литературным приемом, особой литературной формой, в которой автор, заботясь о тождестве духа, а не о тождестве буквы, брал из истории лишь общую мысль, подвергая ее самостоятельной разработке. Пример такого своеобразного изложения речей пророческих можно находить в книгах Царств и Паралипоменон. Некоторые особенности книги Екклезиаста убеждают в том, что и в ней мы имеем дело с подобным литературным приемом. Прежде всего язык книги с несомненностью показывает, что она явилась уже после плена вавилонского, когда еврейский язык потерял свою чистоту и получил сильную арамейскую окраску. Книга Екклезиаста переполнена арамеизмами даже в большей степени, чем книги Ездры и Неемии и другие послевоенные произведения, включает в себе множество отвлеченных и философских выражений и даже имеет кое-что общее с талмудическим словоупотреблением (см. особенности языка у М. Олесницкого, Книга Екклесиаста, стр. 156–157). Прав один исследователь, сказавший, что если бы Соломон написал книгу Екклесиаста, то не было бы истории еврейского языка. Во всяком случае, тогда нельзя было бы усвоить Соломону книгу Притчей. И в самом содержании книги мы найдем немало признаков ее позднейшего редактирования. Екклесиаст говорит о себе: «Я был царем над Израилем в Иерусалиме» (Еккл 1.12). До Соломона лишь один Давид был царем в Иерусалиме, следовательно, при жизни Соломона нельзя было говорить о всех бывших царях в Иерусалиме. По Еккл 2.3–9 представляется, что Соломон предавался винопитию и разнообразной созидательной и накопительской деятельности ради философских экспериментов по идеальным мотивам. Говоря о религиозных недостатках современного общества, наша книга совершенно умалчивает об идолопоклонстве, а отмечает фарисейское, бездушное исполнение обрядов (Еккл 4.17, 5.1 и д.). Именно на расцвет правления Соломона приходится максимальное прославление Бога-Вседержителя, о котором часто говорит пророк Малахия. Непонятно для времени Соломона и предостережение от составления и чтения многих книг (Еккл 12.12).

Самое содержание книги, жалобы на суетность всего, общее чувство неудовлетворенности, увещание не поддаваться мрачному унынию, довольствоваться немногим в жизни. Этим, вероятно, выражается общее недовольство после пленного времени, общее утомление в постоянной борьбе с тяжелыми политическими и социально-экономическими условиями жизни. «Не говори, отчего это прежние дни были лучше нынешних», – наставляет Екклезиаст. Ни в одну эпоху это так часто не говорилось, как после Плена. Все это побуждает признать, что книга Екклезиаста отредактирована лицом, жившим в после пленное время. Уже митрополит Филарет допускал некоторое сомнение в принадлежности ее Соломону. «К сожалению, – писал он, – обращение Соломона не столь достоверно, как его заблуждение. Книга Екклезиаста, по-видимому, есть памятник его покаяния» (Начерт. церковно-библ. истории. Изд. 9. стр. 230–231).

Как видно из содержания книги и из исторических обстоятельств ее появления, цель, какую ставил себе ее писатель, состояла в том, чтобы утешить впадавших в уныние современников, с одной стороны, выяснив суетность и тленность всего земного, с другой стороны, указав средство и при существовавших тяжелых условиях создать более или менее сносное существование. Это средство заключалось в том, чтобы жить, трудиться, наслаждаться всякими доступными радостями, ежеминутно, так сказать, ощущая свою зависимость от Божественного провидения и в нем почерпая для себя источник нравственного мужества и душевного спокойствия. Такая задача книги, как и все ее содержание, вполне согласное с Богооткровенным ветхозаветным учением, не дают никаких оснований сомневаться в каноническом достоинстве книги. Если некоторые древние раввины, а за ними и христианские писатели (напр., Иустин, Иринея, Климент Александрийский, Ориген) совершенно умалчивают о книге Екклезиаста и сомневаются в каноническом достоинстве книги, то это объясняется тем, что они брали и толковали некоторые соблазнявшие их места отрывочно, без связи с общим содержанием книги, и вследствие этого находили в них признаки эпикуреизма, фатализма и пессимизма. Ничего подобного не оказывается в книге при правильном ее понимании.

Глава 1

1–3. Основная мысль книги. 4–11. Круговращение мировых стихий. 12–15. Личный опыт Екклесиаста. 16–18. Суетность мудрости.

Еккл.1:1. Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме.

Сравнивая надписание книги Притчей и книги Екклесиаста, некоторые толкователи не без основания находят в последней признаки несоломоновского происхождения. Не совсем понятно, почему Соломон не назван здесь своим собственным именем, как это в книге Притчей, если бы действительно он был писателем книги Екклесиаста. Не выступает ли здесь исторический Соломон простым символом, как и самое имя Когелет? Мало понятно, также, выражение «царя в Иерусалиме». В исторических книгах Соломон называется обыкновенно царем израильским (напр., 4Цар 23.13; 3Цар 4.1 и др.), но никогда просто царем в Иерусалиме. Последнее выражение указывает, по-видимому, на то время, когда Израиль перестал составлять самостоятельное царство и не имел уже своего царя в Иерусалиме.

Еккл.1:2. Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – всё суета!

"Суета сует«. Евр. *hebel* (от халдейского *habal* – дымиться, испаряться) значит: дым, пар, дыхание, в переносном смысле: ничтожество, бесполезная вещь, тленность, суетность. Этим именем называются языческие боги (Втор 32.21; Иер 14.22), как не приносящие никакой пользы человеку (Иер 16.19), всякая бесполезная вещь, тщетное, напрасное действие (Ис 30.7, 49.4), фантастические мысли (Пс 93.11), безрадостная, скорбная жизнь (Иов 7.16). Выражение »суета сует« указывает на высшую степень ничтожности, бесполезности. Ничтожным, по Екклесиасту, является все. Но в Еккл.1и след. стихах это »все« ограничивается существующим и происходящим »под солнцем«, т. е. в пределах земного, конечного бытия. Да и в этом случае понятие суетности у Екклесиаста нуждается в некотором ограничении. Все вещи и явления, по планам провидения, имеют свои цели, осуществляя которые они не могут быть признаны бесполезными, ничтожными (ср. (Еккл 3.11): все соделал Он прекрасным в свое время). Ничтожными они являются, в сознании Екклесиаста, лишь в отношении к той цели человеческих стремлений, которая заключается в достижении совершенного, абсолютного счастья – *Ithron*.

По отношению к этой цели все в мире ничтожно, бесполезно, тщетно. Ничто не в состоянии дать человеку непреходящего счастья.

Еккл.1:3. Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?

"Что пользы человеку». Еврейское слово Ithron в Библии ни разу не встречается. По мнению гебраистов, оно значит: остающееся, непреходящее. Блаженный Иероним вопрос 3 стиха передает словами: quid superest, т. е. что остается? Григорий Нисский выражает его еще яснее: «какое из видимых благ пребывает всегда тем же?» Словом Ithron, таким образом, обозначается счастье постоянное, устойчивое, вечное – в отличие от счастья временного, скоропреходящего, призрачного. Свой вопрос, приводят ли к какому-либо прочному счастью все усилия людей, Екклезиаст оставляет здесь без ответа. Но этот ответ был уже дан самым решительным образом во втором стихе, в признании суетности всего.

Еккл.1:4. Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки.

Невозможность прочного человеческого счастья выражается уже в неустойчивости и постоянной смене человеческих поколений при неизменности и прочности неодушевленной природы. «Что суетнее той суеты, – говорит блаженный Иероним, – что земля, созданная для людей, пребывает, а сам человек, господин земли, мгновенно распадается в прах?»

Еккл.1:5. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит.

Но и в жизни природы, так же как в жизни человечества, происходит постоянная сменяемость. И здесь все движется, все течет, но только не вперед, а вокруг, следовательно, всегда по одному и тому же пути, вечно по одному и тому же шаблону. Таково, прежде всего, движение солнца. «Спешит к месту своему», точнее с еврейского: «задыхаясь, спешит к месту своему». Выражение указывает на утомление от вечно однообразного движения.

Еккл.1:6. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои.

По-видимому самая свободная из стихий – воздух в действительности вечно повторяет одно и то же движение, движение по одной и той же окружности. Следует заметить, что однообразие в движении ветра было особенно заметно для жителя Палестины. Там с осеннего равноденствия до ноября господствует северо-западный ветер; с ноября до февраля – западный и юго-западный ветры, с февраля до июня – восточный, с июля – северный в перемежку с другими.

Еккл.1:7. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь.

Постоянному и однообразному движению подвержены и реки, причем

это движение не производит никаких чрезвычайных перемен в мире. Сколько бы ни текли реки в море, море никогда не переполнится и не зальет собою земли. «К тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь». Этот перевод не точен, хотя и удачно выражает мысль о круговращении. ׀ значит: «где», а не: «откуда». Точно также ׀׀ значит: «там», «туда», а не: «оттуда». Правильный перевод этого места должен быть, таков: «к тому месту, куда реки текут, туда они всегда опять текут». Священно-писатель говорит лишь о течении рек всегда по одному и тому же направлению, а не о круговом движении водной стихии, хотя и в то время уже знали, что вода, испаряясь и образуя облака, снова падает на землю (Иов 36.27 и д.).

Еккл.1:8. Все вещи – в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием.

"Все вещи в труде«. Еврейское *dabar* имеет два значения: вещь и слово. То и другое значение встречается и в книге Екклезиаста. Это дает основание многим переводчикам и толкователям начало восьмого стиха переводить: все слова слабы, бессильны (передать однообразное движение вещей). Так передает греческий и славянский перевод: »Вся словеса трудно, не возможет муж глаголати: и не насытится око зрети, и не исполнится ухо слышания«. Трудно сделать выбор из этих двух пониманий, так как оба они вполне отвечают контексту. Постоянное, однообразное движение вещей столь велико, что могло бы дать бесконечный материал для человеческой способности говорить, видеть и слышать.

Еккл.1:9. Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.

Постоянное, однообразное движение вещей в одном и том же направлении, движение по своей окружности, конечно, не может произвести ничего нового. Результаты его всегда одни и те же.

Еккл.1:10. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Если иногда и думают, что произошло нечто новое, сделан шаг вперед, то, на самом деле, и здесь мы имеем дело с повторением старого.

Еккл.1:11. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.

Ошибка, в этом случае, происходит от недостатка исторической памяти, оттого, что о прежних поколениях забывают последующие. Вместо »о прежнем и о том, что будет«, следует переводить: «о прежних» и «о позднейших», так как множественное число мужского рода в

еврейском тексте указывает, очевидно, на людей. В славянском – «Несть память первых, и последним бывшим не будет их память с будущими на последок».

Еккл.1:12. Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме;

Бесцельное круговращение мировых стихий, само по себе, не доказывает еще, что невозможно высшее счастье для человека. Человеческая жизнь сложнее, чем жизнь природы, идет своим самостоятельным путем и, потому, может быть, таит в себе особые задатки для удовлетворения человеческого стремления к вечному счастью. Поэтому, писатель считает нужным от наблюдения над внешней природой обратиться к психологическому опыту. Соломон, в котором с мудростью соединялись, по-видимому, все дары счастья, более всех других имел основание ответить на вопрос о возможности личного счастья; в его богатом жизненном опыте произведена оценка всем благам с точки зрения совершенного счастья, фактически проверено то, что писатель книги решает теоретически. Понятно, насколько полезно было ему воспользоваться опытом Соломона.

Однако, пройдя через богопросвещенное сознание священного писателя, этот опыт должен был получить некоторые новые черты, не свойственные исторической личности Соломона; он естественно должен был получить характер философских исканий, философских экспериментов: если исторический Соломон в поисках счастья поступал по велению сердца, по естественной страсти, подобно прочим людям, то идеальный Соломон – Екклесиаст руководился в этом случае идеальными мотивами, «мудростью» (Еккл.1:13, 2:3), желанием на опыте исследовать величайший для человечества вопрос: что хорошо для сынов человеческих и что должны были бы они делать под небом во дни своей суетной жизни.

Еккл.1:13. и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем.

Цель опыта Екклесиаста заключалась в исследовании всего, что делается под небом, с точки зрения вопроса о счастье. Первым результатом, к которому пришел Екклесиаст в своих исследованиях, было сознание, что уже само стремление людей познать и оценить дела человеческие составляет тяжелое, мучительное занятие, которое, будучи вложено Самим Богом в природу человека, как бы против его воли овладевает им. Некоторые толкователи выражение «тяжелое занятие» относят не к исследованию дел человеческих, а к самим делам. Но едва ли оно соответствует выражению: «все, что делается под небом». Тяжелым,

мучительным занятием исследование дел человеческих является вследствие крайней неутешительности его результатов.

Еккл.1:14. Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё – суета и томление духа!

Вывод, к которому пришел Екклезиаст в своих исследованиях, был тот, что все суета и томление духа. К своему излюбленному выражению *hebel* Екклезиаст присоединяет новое – *reuth ruach*. Это выражение переводится различно. Одни (пер. халдейский, сирийский, Вульгата), производя встречающееся лишь у Екклезиаста слово *reuth* от *raah* – бушевать, разламывать, переводят: волнение, томление духа (как русский). Другие (Акила, Феодотион и Симмах), производя от *raah* – пасты, переводят: пасение ветра. Третьи, производя от того же глагола с значением домогаться, переводят: стремление ветра, затея ветряная (LXX – *προαίρεσις πνεύματος*) или погоня за ветром. Последние два понимания более соответствуют контексту и имеют весьма близкое параллельное место в книге пр. Осии (Ос 12.1), в словах: «Ефрем пасет ветер (*raah ruach*) и гоняется за восточным ветром». Назвав все дела человеческие пасением ветра или погоней за ветром, Екклезиаст указывает на ничтожность, призрачность их результатов в смысле достижения прочного счастья.

Еккл.1:15. Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать.

В этом стихе объясняется причина безрезультатности человеческой деятельности. Последняя не в состоянии изменить существующий порядок, исправить все недостатки и несовершенства во внешней природе и в природе человека, пересоздать ту и другую.

Еккл.1:16. Говорил я с сердцем моим так: вот, я возвеличился и приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания.

Если все дела и стремления человеческие ничтожны и безрезультатны, как дым, как погоня за ветром, вследствие неустранимых недостатков и несовершенств мира, то, само собою, понятно, что исследование их мудростью и самая мудрость не могут дать нравственного удовлетворения человеку. Под выражением «больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом» некоторые толкователи понимают не царей, так как до Соломона был лишь один царь в Иерусалиме – Давид, а, вообще, израильтян. Однако, предлог «над» (*al*) включает в себе понятие господства и может указывать, следовательно, лишь на царей иерусалимских. Екклезиаст приписывает себе обладание мудростью, как религиозным и нравственно-практическим познанием, и, вообще, знанием,

как теоретическим, научным постижением вещей.

Еккл.1:17. И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа;

Еккл.1:18. потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

Екклезиаст на собственном опыте убедился, что приобретение мудрости и знания оказалось такой же суетой, такой же погоней за ветром, как и всё в человеческой жизни. Оно не только не доставило ему счастья, но, напротив, увеличило его страдания, показав всю призрачность человеческих надежд, всю безрезультатность человеческих стремлений, обнажив ничтожество всего земного.

Глава 2

1–11. Суетность мирского веселья. 12–17. Одинаковая участь мудрого и глупого. 18–23. Суетность труда. 24–26. Пища, как дар Божий.

Еккл.2:1. Сказал я в сердце моем: «дай, испытаю я тебя весельем, и насладись добром»; но и это – суета!

Убедившись в том, что познание истины усиливает внутреннюю неудовлетворенность, лишает человека спокойствия и повседневных радостей, Екклезиаст решает взглянуть на жизнь беспечными глазами, со всей беззаботностью отдаться веселью, искать счастья не в духовных, а в чувственных наслаждениях. Слав. «виждь во блазе» значит: испытай на опыте наслаждения.

Еккл.2:2. О смехе сказал я: «глупость!», а о веселье: «что оно делает?»

Но и эта попытка кончилась неудачей. Беспечная веселость, забавляющаяся в сущности ничтожными и пошлыми вещами, не более как глупость и не может дать чего-нибудь положительного для человеческого счастья. Смех и веселье представляются здесь в образе лиц, к которым Екклезиаст обращается с речью. Следует переводить: «смеху сказал я: глупость! и веселью: что оно делает». Слав. – «Смеху рекох: погрешение, и веселию: что се твориши.»

Еккл.2:3. Вздумал я в сердце моем усладить вином тело мое и, между тем, как сердце мое руководилось мудростью, придержаться и глупости, доколе не увижу, что хорошо для сынов человеческих, что должны были бы они делать под небом в немногие дни жизни своей.

Екклезиаст отдавался чувственным удовольствиям (в частности – винопитию) не по естественному влечению сердца, а с критической целью, как исследователь, философ; решая придержаться глупости, т. е. беспечного и легкомысленного веселья, он не переставал руководиться мудростью, философски взвешивать, насколько действительно испытываемое им счастье.

Еккл.2:4. Я предпринял большие дела: построил себе дома, посадил себе виноградники,

"Дома", т. е. собственные жилища Соломона, но не храм, построенный им. О виноградниках Соломона упоминается лишь в Песни Песней (Еккл.8.11).

Еккл.2:5. устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья;

О существовании царских садов в Иерусалиме говорится в 4Цар

21:18, 26, 25:4; Иер 39.4, 52.7; Неем 3.15.

Еккл.2:6. сделал себе водоемы для орошения из них рощей, произрастающих деревья;

О царском водоеме упоминается в Неем 2.14 (ср. Ис 22.11). О том, что этот водоем построен был Соломоном, говорит лишь книга Екклезиаста. Иудейское предание также усваивает его Соломону. В настоящее время по дороге от Иерусалима к Хеврону на расстоянии 2 12 часов пути находятся так называемые пруды Соломона. По свидетельству Иосифа Флавия вода из прудов Соломона была проведена в Иерусалим для нужд храма и всего города. Это свидетельство заслуживает полного доверия, так как пруды эти стоят выше площади Харамы, на которой стоял храм Соломонов, приблизительно на 130 футов, и так как теперь еще сохранились остатки водопроводов, соединяющих пруды Соломона с Иерусалимом.

Еккл.2:7. приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня в Иерусалиме;

"Домочадцы«, т. е. рожденные от рабов в доме господина.

Еккл.2:8. собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей; завел у себя певцов и певиц и наслаждения сынов человеческих – разные музыкальные орудия.

О получении даров от царей говорится в 3Цар 4.21, 10.15. Под областями разумеются 12 округов, на которые Соломон разделил всю свою страну (3Цар 4.7 и д.). »Услаждения сынов человеческих – разные музыкальные орудия«. Еврейское слово schiddah и множ. schiddoth переводится различно. LXX, Вульгата, Иероним (в толковании) и славянский перевод, производя от халд. scheda, переводят »виночерпцы и виночерпицы«. Другие, как русский перевод, производя слово от арабского корня, переводят: »разные музыкальные орудия«. Третьи, производя от schadad – господствовать, переводят: «госпожу и госпож». Некоторые, наконец, производя от араб. schadid (полнота) или евр. schadah (течь), переводят: «полноту и обилие наслаждений сынов человеческих», т. е. множество жен и наложниц. Слово schidah встречается лишь у Екклезиаста. Поэтому, с уверенностью определить значение его нельзя. Однако, по-видимому, следует отдать предпочтение двум последним пониманиям, так как, выражаясь словами Михаэлиса, «почти невероятно, чтобы Соломон в рассказе о своих чувственных удовольствиях мог забыть о женщинах». Как видно из 3Цар 11.3 у Соломона было 700 жен и 300 наложниц.

Еккл.2:9. И сделался я великим и богатым больше всех, бывших пре-

жде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребыла со мною.

"И мудрость моя пребыла со мною«. Екклезиаст не забывал о конечной цели своих опытов – исследовать сущность истинного счастья и, вместе с тем, смысл человеческой жизни (ст. 3).

Еккл.2:10. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселья, потому что сердце мое радовалось во всех трудах моих, и это было моею долею от всех трудов моих.

Радости и увеселения Екклезиаста не были развлечениями ленивого и бездеятельного человека. Они были отдыхом и наградой за тяжелые труды и, по-видимому, должны были бы дать ему полное нравственное удовлетворение.

Еккл.2:11. И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё – суета и томление духа, и нет *от них* пользы под солнцем!

Надежда Екклезиаста не сбылась. Радости труда не удовлетворили его стремление к счастью. Он увидел, что нет полного счастья (Ithron) на земле.

Еккл.2:12. И обратился я, чтобы взглянуть на мудрость и безумие и глупость: ибо что *может сделать* человек после царя *сверх того*, что уже сделано?

Опыт Екклезиаста дал ему полную возможность сделать сравнительную оценку мудрости и глупости с точки зрения счастья. Более других одаренный мудростью и изведавший все, чем довольствуется глупость, он лучше других мог знать различие мудрости и глупости. После него никто не мог бы прибавить чего-либо к его выводам. Так следует понимать вторую половину 12 стиха. Слова: «ибо что человек, который будет идти после царя» (точный перевод), многие экзегеты понимают в связи с Еккл.2:18–19, где выражается сомнение Екклезиаста относительно того, каков будет его преемник, мудрый или глупый, и переводят таким образом: «ибо что за человек, который будет идти после царя, по сравнению с тем, кого давно сделали (царем)». Но, в таком случае, вторая половина стиха нисколько не объясняла бы первой, т. е. непонятно было бы, почему именно Екклезиаст счел себя авторитетным в вопросе о мудрости и глупости. Русский перевод 12 ст., хотя и не буквален, однако правильно передает мысль подлинника. Славянский перевод: «яко кто человек, иже пойдет в след совета, елика сотвори в нем», как и у LXX, не имеет смысла, благодаря порче текста. Вместо τῆς βουλῆς следует читать τοῦ βασιλέως, вместо "совета" – "царя".

Еккл.2:13. И увидел я, что преимущество мудрости перед глупостью

такое же, как преимущество света перед тьмою:

Екклезиаст не отрицает громадного превосходства мудрости перед глупостью, как света перед тьмой.

Еккл.2:14. у мудрого глаза его – в голове его, а глупый ходит во тьме; но узнал я, что одна участь постигает их всех.

Но освещая все, что для глупого остается во мраке, мудрость не может изменить естественного порядка вещей. Перед ним она столь же бессильна, как и глупость. Неустрашимая власть естественного миропорядка над мудростью особенно обнаруживается в том, что и мудрый и глупый одинаково подвержены смерти.

Еккл.2:15. И сказал я в сердце моем: «и меня постигнет та же участь, как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым?» И сказал я в сердце моем, что и это – суета;

Если смерть одинаково царствует над мудрым и глупым, оставляя в удел тому и другому жизнь в шеоле, лишённую размышления, знания и мудрости (Еккл.9.10), то значение мудрости ничтожно. Она не может дать человеку счастья.

Еккл.2:16. потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увы! мудрый умирает наравне с глупым.

Мудрый не может утешить себя и, так называемым, историческим бессмертием. С течением времени и он, подобно глупому, будет забыт. Смерть одинаково тяжела и для мудрого и для глупого.

(Еккл.2:17.) И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё – суета и томление духа!

Факт смерти, господствующей одинаково над мудрыми и глупыми, настолько поразил сознание и нравственное чувство Екклезиаста, что жизнь потеряла в его глазах свою ценность, свой смысл, стала для него предметом ненависти и отвращения. Не важно то, пережил ли Екклезиаст такое состояние в действительности или пришел к этому выводу теоретически, путем наблюдения и размышления; несомненно то, что человек, ищущий полного счастья в границах земного бытия, ставящий себе идеалы в пределах эмпирических фактов, неизбежно приходит к полному разочарованию и, в конце концов, к крайнему пессимизму. Эмпирическое, чувственное мирозерцание не в состоянии вместить в себе вечных идеалов человечества и, потому, рождает в нем ощущение ничтожества, бесцельности существования. Все эти идеалы неумолимо разрушаются уже одним фактом смерти.

Еккл.2:18. И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под

солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня.

Еккл.2:19. И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый? А он будет распорядиться всем трудом моим, которым я трудился и которым показал себя мудрым под солнцем. И это – суета!

С мыслью о смерти, до некоторой степени, могла бы примирить человека уверенность, что созданное им не умрет, но послужит основанием, на котором последующие поколения возведут прочное здание человеческого счастья. Но и этой уверенности нет у человека, так как он не знает, какой будет его наследник и преемник, продолжит ли он или разрушит его дело.

Еккл.2:20. И обратился я, чтобы внушить сердцу моему отречься от всего труда, которым я трудился под солнцем,

Это обстоятельство отнимает у труда всякую ценность, всякий смысл. Екклезиаст отрекается от труда, от всякой надежды найти в нем удовлетворение.

Еккл.2:21. потому что иной человек трудится мудро, с знанием и успехом, и должен отдать всё человеку, не трудившемуся в том, как бы часть его. И это – суета и зло великое!

Уже одно то, что плодом трудов одного пользуется другой, не принимавший в них никакого участия, является вопиющей несправедливостью, величайшим злом.

(Еккл.2:22.) Ибо что будет иметь человек от всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится он под солнцем?

(Еккл.2:23.) Потому что все дни его – скорби, и его труды – беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя. И это – суета!

Для самого же трудящегося труд не дает ничего действительно ценного. Его постоянные спутники – скорби и беспокойства.

Еккл.2:24. Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить и услаждать душу свою от труда своего. Я увидел, что и это – от руки Божией;

Еккл.2:25. потому что кто может есть и кто может наслаждаться без Него?

Еккл.2:26. Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он дает мудрость и знание и радость; а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы *после* отдать доброму пред лицом Божиим. И это – суета и томление духа!

Результат труда настолько ничтожен, что не может вполне обеспечить человеку даже самые элементарные блага. Екклезиаст из жизненного

опыта убедился, что даже такие блага, как вкушение пищи и питье, зависят от Божественного промысла, который отнимает их у глупых и дает мудрым. Этот порядок вещей, который между деятельностью человека и ее результатом вводит новое начало, делает счастье человека на земле еще более непрочным, неустойчивым, увеличивая суетность земного блага. «Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить». Русский перевод этого места не точен. Буквальный перевод еврейского текста должен быть таков: «нет счастья (tov) человеку есть и пить». LXX придали этому месту такой смысл: «нет счастья человеку, который ест и пьет». Однако такой смысл был бы в противоречии со многими местами книги Екклесиаста, особенно с Еккл 3.1, 22, 8.15, где прямо выражается мысль, что нет ничего лучшего (tov), как есть и пить. Вульгата переводит в форме вопроса: «не лучше ли для человека есть, пить». Но в таком сочетании слово tov не встречается в книге. Всего вероятнее, это место по аналогии с параллельными местами (Еккл 3.1, 22, 8.15) следует понимать так: «нет ничего лучшего (или счастья), как есть и пить» (т. е. прибавить частицу ׀). Так читают некоторые греческие кодексы, сирийский пер., Таргум, Иероним в своем толковании (nisi). «Кто может наслаждаться без него». По теперешнему еврейскому тексту вместо «без него» следовало бы перевести: «без меня» (mimeni), т. е. более меня, как я. Так переводят Вульгата, Лютер и некоторые экзегеты. Но, во-первых, выражение «без меня» нельзя еще понимать в смысле: «как я», во-вторых, выраженная таким образом мысль стояла бы вне всякой связи с предшествующим и последующим стихами, где говорится о зависимости материальных благ от Бога. Вместо теперешнего mimeni следует читать mimenu, как читали LXX, сирийский и др. переводчики.

Глава 3

1–15. Зависимость человеческой жизни от Божественного миропорядка. 16–22. Скотоподобный конец людей, живущих без Бога.

Еккл.3:1. Всему свое время, и время всякой вещи под небом:

Еккл.3:2. время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное;

Еккл.3:3. время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить;

Еккл.3:4. время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать;

Еккл.3:5. время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий;

Еккл.3:6. время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать;

Еккл.3:7. время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить;

Еккл.3:8. время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.

В конце второй главы Екклезиаст подошел к главной причине неосуществимости человеческого стремления к счастью. Между человеческим хотением и его выполнением стоит Некто, Кто может отнять хлеб у одного и дать другому. Теперь, в 3 главе, он углубляется в эту мысль и распространяет ее на всю сферу человеческой жизни. И здесь Екклезиаст находит то же беспрогрессивное круговращение, то же неустранимое влияние законов, и здесь все человеческие желания и предприятия стоят в постоянной зависимости от времени и обстоятельств и, подобно явлениям внешней природы, проходят в строгой последовательности. «Всему свое время, и время всякой вещи под небом». *Нерhez* значит, собственно: склонность, намерение, предприятие. Екклезиаст говорит здесь не о предметах природы, а о деятельности человеческой, о явлениях человеческой жизни, как это видно и из дальнейшего развития мысли. Он хочет сказать, что факты человеческой жизни не суть продукты вполне свободной воли человека, лежат вне пределов его сознательных желаний.

Еккл.3:9. Что пользы работающему от того, над чем он трудится?

В этой зависимости человеческой жизни от посторонних влияний, неустранимых волею человека, лежит главная причина бесплодности

человеческих усилий, неосуществимости человеческого стремления к счастью.

Еккл.3:10. Видел я эту заботу, которую дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в том.

А между тем, человек не может погасить в себе жажды высшего блага. Его стремление к счастью, вложенное в него Самим Богом, постоянно и неудержимо толкает его на новые труды, на новые искания.

Еккл.3:11. Всё соделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца.

Мир полон гармонии, и дух человека носит на себе печать вечности; однако, Божественный миропорядок остается непостижимым для человека и не может быть приведен в гармонию с человеческой волей. «Все соделал Он прекрасным в свое время», т. е. все, созданное Богом, прекрасно в свое время и в своем месте, в общей системе мирового бытия.

"И вложил мир в сердце их«. Еврейское слово *olam* в переводах передается различно: «вечность» (LXX), «мир» (Вульгата и перевод), «разум», «покров» и т. д. Но так как это слово вообще в Библии и, в частности, в книге Екклезиаста (Еккл.1.10, 2.16, 3.14, 9.16 и др.) значит «вечность», то и в данном месте следует держаться этого значения. Лишь в послебиблейской литературе словом *olam* стал обозначаться и мир, как бесконечно продолжающийся. «Вложить в человека вечность» значит одарить его Богоподобными свойствами, наложить на человеческую природу отпечаток вечности, Божественности. Стремление человека к высочайшему благу, к вечному счастью, служит выражением его Богоподобности.

Еккл.3:12. Познал я, что нет для них ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей.

Еккл.3:13. И если какой человек ест и пьет, и видит доброе во всяком труде своем, то это – дар Божий.

Глубокое противоречие, скрытое в природе человека, с одной стороны – стремление к вечности, с другой – ограниченность его разума, являются главной причиной неудовлетворенности человеческого духа, его всегдашних разочарований. Чтобы более или менее избежать последних, человек должен примириться раз навсегда с мыслью о том, что высшее счастье (*Ithron*) под солнцем невозможно. Он должен, так сказать, понизить свои требования к жизни и, отбросив искание высочайшего блага, удовольствоваться относительным благом, тем, что сравнительно хорошо, что «лучше» (*tob*). Если высшее благо – *Ithron* невозможно, то

относительное благо – Тоб вполне доступно человеку. В чем же заключается это Тоб?

"Познал я, что нет для них ничего лучшего (Тоб), как веселиться и делать доброе в жизни своей«. Благой труд и спокойное наслаждение земными радостями – вот единственно доступное для человека счастье. Пока человек стремится к абсолютному счастью на земле, он осужден на постоянные разочарования. Даже и лучшие моменты его жизни отравляются мыслью о непрочности счастья, удручающей заботой о будущем.

Напротив, человек, отказавшийся от искания полного счастья, бывает доволен и тем немногим, что дает ему жизнь, радуется, веселится без заботы о завтрашнем дне. Он, как дитя, отдается всякой радости посылаемой Богом, отдается полным своим существом, непосредственно, не разрушая ее анализом, критикой, бесцельными сомнениями. И эти малые радости, соединенные с добрым трудом и чистой совестью, делают жизнь приятной, относительно счастливой. Стихи 12–13 нисколько не выражают эвдемонистического взгляда на жизнь, который ставит целью жизни одно наслаждение. Во-первых, рядом с земными радостями Екклесиаст ставит другое необходимое условие относительно счастливой жизни, именно – «делание добра»; во-вторых, пользование земными благами соединяется с сознанием зависимости от воли Божией, с благодарной мыслью, что «это дар Божий». Таким образом, то наслаждение жизнью, к которому призывает Екклесиаст, покоится на религиозном мирозерцании, предполагает, как свое необходимое условие, веру в Божественный промысл.

Еккл.3:14. Познал я, что всё, что делает Бог, пребывает вовек: к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить, – и Бог делает так, чтобы благоговели пред лицом Его.

В начале 3-ей главы Екклесиаст говорил о постоянстве и неизменности законов, управляющих человеческой жизнью. Теперь он говорит о них определеннее. Законы эти являются выражениями вечной и неизменной воли Божией. Человек бессилён что-либо прибавить к ним или отбавить от них. В том и заключается цель Божественного промысла, чтобы показать людям их полную зависимость от Бога и, таким образом, научить их страху Божию.

Еккл.3:15. Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, – и Бог воззовет прошедшее.

"Бог воззовет прошедшее«. LXX и сирийский переводят: Бог въззщет преследуемого (слав. »гонимого«). Но, согласно с контекстом, лучше

понимать в среднем роде: прогнанное, удаленное, прошедшее.

Еккл.3:16. Еще видел я под солнцем: место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда.

Еккл.3:17. И сказал я в сердце своем: «праведного и нечестивого будет судить Бог; потому что время для всякой вещи и суд над всяким делом там».

Промысл Божий обнаруживается не только в естественных явлениях, но и в нравственной жизни человека. В человеческом суде живут неправда и беззаконие. Но над судом людей есть суд Божий, который воздаст должное праведным и нечестивым. Для этого суда, как и для всякой вещи, настанет свое время. »Праведного и нечестивого будет судить Бог, потому что время для всякой вещи и над всяким делом там". Слово "там« (scham) не совсем ясно. Вульгата передает его словом «тогда» (tunc), Иероним – «во время суда» (in tempore iudicii), но евр. scham есть наречие не времени, а места. Вероятно, оно значит здесь: на суде Божиим, в параллель слову «там» в ст. 16 для обозначения суда человеческого. Некоторые экзегеты вместо schara (שָׂרָא) читают sam (שָׂם) и переводят: всему (Бог) назначил свое время. Мысль совершенно согласна с контекстом, но действительно ли повреждена здесь еврейская пунктуация, сказать трудно.

Еккл.3:18. Сказал я в сердце своем о сынах человеческих, чтобы испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе животные;

Еккл.3:19. потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё – суета!

Еккл.3:20. Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах.

Еккл.3:21. Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?

Эти стихи подробнее выясняют цель Божественного промысла, кратко указанную уже в словах Еккл.3:14.: «чтобы благоговели пред лицом Его». Зависимость человека от Божественного провидения имеет целью научить людей тому, что сами по себе, с своими естественными силами, естественной волей и разумением, думая жить без Бога, вне Божественного промысла, они подобны животным и не могут иметь никаких оснований к уверенности в бессмертии своего духа. Если факты естественного сознания с непобедимой силой убеждают человека в том, что и человек и животное одинаково умирают, теряют дыхание и источник жизни, превращаясь в прах, то, живя без Бога, не признавая Божественного промысла, откуда он может знать, что дух животного снисходит вниз, а

дух человека восходит вверх? В ст. 18–21, как видно, не выражается собственный взгляд Екклезиаста на человеческое существо, его личное сомнение в духовности и бессмертии человеческой природы. Это противоречило бы Еккл.12.7, где прямо говорится, что не все в человеке идет в одно место, но что в прах превращается лишь тело, а дух возвращается к Богу, Который дал его. В приведенных стихах Екклезиаст выясняет, как должен смотреть на себя человек, живущий «сам по себе», руководящийся лишь естественной точкой зрения, не признающий Божественного провидения.

"Сказал я – о сынах человеческих«. Русский перевод не точен. Следует перевести: «сказал я – (это) для сынов человеческих». Для пользы людей установлен тот порядок вещей, в силу которого человеческая жизнь стоит в постоянной зависимости от Божественного промысла и суда. Чтобы испытал их Бог. *Varag* значит: выделить, испытать, очистить (ср. Дан 11.35: "пострадают некоторые и из разумных для испытания (*lebarer*) их, очищения и убеления к последнему времени«). Цель Божественного промысла – довести людей до сознания собственного ничтожества и, таким образом, очистить их.

"Все идет в одно место» – не в шеол, как думают некоторые экзегеты, а в землю, как видно из дальнейших слов.

Еккл.3:22. Итак увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это – доля его; ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него?

Выяснив цель Божественного промысла, Екклезиаст возвращается к своему прежнему выводу, сделанному уже в Еккл.3:12–13. Если человек во всем зависит от Божественного провидения, если сам по себе он бессилен и ничтожен, то должно отказаться от мысли о полном счастье на земле и удовольствоваться радостями Богоугодного труда. «Наслаждаться человеку делами своими». В этом выражении Екклезиаст объединяет два условия относительного счастья: наслаждение жизнью и добрую деятельность (Еккл.3:12), так как то и другое, по нему, неразрывно. «Ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него». Здесь речь не о будущей, загробной жизни человека, как в Еккл.3:21, а о том, что будет «после него», т. е. как сложится жизнь на земле после его смерти. Человек не должен обременять себя и отравлять доступные ему радости излишними беспокойными заботами о далеком будущем.

Глава 4

1. Печальные явления в жизни людей. 2–3. Притеснения. 4–6. Зависть и беспокойство. 7–12. Одиночество и скупость. 13–16. Непрочность человеческой привязанности. 17. Поведение богобоязненного человека.

В предшествующих главах, доказывая суетность человеческой жизни, Екклезиаст исходил, главным образом, из общих оснований. Теперь он подтверждает свою мысль на частных фактах, делающих счастье человека неустойчивым, временным, случайным.

Еккл.4:1. И обратился я и увидел всякие угнетения, какие делаются под солнцем: и вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет; и в руке угнетающих их – сила, а утешителя у них нет.

Еккл.4:2. И ублажил я мертвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе;

Еккл.4:3. а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал, кто не видал злых дел, какие делаются под солнцем.

Насилие, угнетение сильных и богатых над слабыми и бедными до такой степени проникли во все общество и заразили весь общественный строй, что нравственно чуткий и впечатлительный Екклезиаст почувствовал отвращение к жизни и счел мертвых более счастливыми, чем живых, и еще более счастливыми тех, кто никогда не существовал и не был свидетелем злых дел на земле. Екклезиаст, конечно, не возводит в принцип превосходство небытия над бытием, но, подавленный созерцанием нравственного зла, изливает лишь свои чувства глубокого негодования и отвращения, подобно Иову (Иов 3.10–13) и Иеремии (Иер 20.18). В другом месте, спокойно рассуждая, он говорит, напротив, что лучше псу живому, чем мертвому льву (Еккл 9.4).

Еккл.4:4. Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть. И это – суета и томление духа!

Еккл.4:5. Глупый *сидит*, сложив свои руки, и съедает плоть свою.

Еккл.4:6. Лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом и томлением духа.

Еккл.4:7. И обратился я и увидел еще суету под солнцем;

Еккл.4:8. человек одинокий, и другого нет; ни сына, ни брата нет у него; а всем трудам его нет конца, и глаз его не насыщается богатством. «Для кого же я тружусь и лишаю душу мою блага?» И это – суета и недоброе дело!

Еккл.4:9. Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе

вознаграждение в труде их:

Еккл.4:10. ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его.

Еккл.4:11. Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться?

Еккл.4:12. И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, втрое скрученная, нескоро порвется.

Екклезиаст отмечает новую черту в современном ему обществе, разрушающую человеческое благополучие, именно – внутреннее обособление людей, их нравственное разъединение. Человек богат, но он одинок; нет у него «другого», т. е. искреннего друга, ни сына, ни брата. Он не знает, для кого он трудится и лишает себя благ. А, между тем, жизнь вдвоем имеет много преимуществ, так как дает каждому нравственную и материальную поддержку.

Еккл.4:13. Лучше бедный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь, который не умеет принимать советы;

Еккл.4:14. ибо тот из темницы выйдет на царство, хотя родился в царстве своем бедным.

Еккл.4:15. Видел я всех живущих, которые ходят под солнцем, с этим другим юношею, который займет место того.

Еккл.4:16. Не было числа всему народу, который был перед ним, хотя позднейшие не порадуются им. И это – суета и томление духа!

Екклезиаст приводит случай, доказывающий изменчивость и непостоянство человеческого счастья. Бедный, но умный юноша занимает место неразумного царя, не умеющего принимать советы. Все переходят на сторону юноши, но, увы, последующее поколение будет холодно и равнодушно к нему. «Лучше (tov) бедный, но умный юноша». Слово tov следует понимать в смысле «счастливее». Но это счастье непродолжительно. Оно – суета и погоня за ветром. Многие комментаторы видели в этих стихах намек на определенные исторические лица: одни – на Иосифа, другие – на Саула и Давида, третьи – на Иеровоама и Равоама и т. п. Но, вероятнее всего, Екклезиаст имел здесь в виду просто возможный случай, чтобы сильнее показать превратность человеческого счастья.

Еккл.4:17. Наблюдай за ногою своею, когда идешь в дом Божий, и будь готов более к слушанию, нежели к жертвоприношению; ибо они не думают, что худо делают.

До сих пор Екклезиаст рассуждал, знакомил читателя со своими наблюдениями и выводами; теперь он обращается к нему с

положительными советами и увещаниями применительно к высказанным ранее положениям. Он подробно описывает настроение человека, ищущего счастья в добром труде и чистых радостях. Такой человек должен тщательно следить за собой во время богослужения, избегая всего, что может нарушить благочестивое расположение духа, сообразуя с ним даже свое внешнее поведение. Его благочестие должно выражаться не столько в механических жертвоприношениях без веры и покаяния, сколько в благоговейном слушании и исполнении слова Божия. «Ибо они не думают, что худо делают.» Екклезиаст говорит о своих современниках, жертвы которых, чуждые веры и благоговения, были «мерзостью пред Господом» (ср. Притч 21.27).

Глава 5

1–6. О молитве и обетах. 7–8. Особенности деспотического управления. 9–16. Суетность богатства. 17–19. Достоинство чистых радостей.

С Богослужением неразрывны молитва и обеты. Екклезиаст дает наставления и по этим предметам.

Еккл.5:1. Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги.

Он предостерегает читателя от торопливой и многоречивой молитвы. Сознание величия Бога, живущего на небе, и ничтожности человека, живущего на земле, должно побуждать последнего взвешивать каждое свое слово, говорить от глубины сердца, с смирением и благоговением. И в Новом Завете Спаситель предостерегает от многословной и неблагоговейной молитвы (Мф 6.7–8).

Еккл.5:2. Ибо, как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познается при множестве слов.

Как излишняя беспокойная озабоченность вызывает множество сновидений, нарушающих покой спящего, так глупая суетливость во время молитвы рождает бессмысленное и бесцельное многословие.

Еккл.5:3. Когда даешь обет Богу, то не медли исполнить его, потому что Он не благоволит к глупым: что обещал, исполни.

Еккл.5:4. Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить.

Обязательно исполнение обетов, но не самые обеты. «Если же ты не дал обета, то не будет на тебе греха» (Втор 23.22). h5 Еккл.5:5. Не позволяй устам твоим вводить в грех плоть твою, и не говори пред Ангелом [Божиим]: «это – ошибка!» Для чего тебе *делать*, чтобы Бог прогневался на слово твое и разрушил дело рук твоих?

"Вводить в грех плоть" значит – или возбуждать к греху чувственность (ср. Иак 3.6 и д.) или подвергать тело испытанию, наказанию. Вернее последнее понимание, так как выражение »вводить в грех тело« не вполне соответствует библейскому словоупотреблению, по которому грешит не тело и даже не плоть, но воля человеческая. «Ангел» или посланник означает здесь священника, которому поручено было надзирать за обетами. В таком же смысле употреблено это слово и у Мал 2.7. Греческий и сирийский перевод вместо «перед Ангелом» читают: «перед Богом» (слав. «пред лицом Божиим»). Они или имели в данном

месте другое еврейское чтение или понимали выражение «Ангел» в смысле самооткровения Божия. Екклезиаст предостерегает, в случае неисполнения обета, говорить священнику: «это – ошибка», т. е. грех слабости, так как такое лицемерное самооправдание навлечет на виновного гнев Божий и наказание.

Еккл.5:7. Если ты увидишь в какой области притеснение бедному и нарушение суда и правды, то не удивляйся этому: потому что над высоким наблюдает высший, а над ними еще высший;

Чтобы понять связь 7-го стиха с предшествующими, следует припомнить, что в кодексе обычной еврейской мудрости рядом с заповедью о страхе к Богу стояли заповедь о почтении к царю (ср. Притч 24.21). Екклезиаст хочет сказать здесь, что несправедливости и притеснения не должны уменьшать почтения к царю, так как они вполне естественны там, где много правителей. Слово «область» (*medinah*) встречается лишь в книгах позднейшего времени (2 и 3 Цар, кн. Плач, кн. Иез., Дан, Езд и Неем) и обозначает провинции азиатских царств, в частности царства персидского. В кн. Ездры (1Ездр. 5.8) и Неемии (Неем 1.2, 7.6, 11.3) так называется Палестина, как персидская провинция. В этом смысле, вероятно, употреблено слово «область» и в книге Екклезиаста. «А над ними еще высший», буквально, с еврейского – «высшие». Под последним словом многие комментаторы разумеют Бога, видя во множественном числе указание на величие Божие. Смысл стиха такой: не удивляйся несправедливости, так как над высшими надзирает Сам Бог, Который восстановит правду (ср. Еккл.3:16–17).

Однако такое понимание второй половины 7-го стиха не вполне соответствует контексту. Екклезиаст предупреждает здесь не возмущение и ропот при виде несправедливостей, а просто удивление. Он предлагает, следовательно, не утешение, а объяснение факта. Существование же суда Божия несколько не объясняет несправедливости суда человеческого. Сверх того и 8 ст., в котором говорится о преимуществе страны, управляемой царем, с трудом связывается с таким пониманием. Более оснований в 7-ом ст. видеть указание на особенности деспотического царства, именно персидского, где начальство над областью поручалось сатрапу, над сатрапом надзирал особый инспектор, над ними обоими стоял царь с его многочисленным двором. Этой сложностью управления деспотического царства, в котором каждый начальник преследует свои интересы, и объясняются несправедливости и притеснения.

Еккл.5:8. превосходство же страны в целом есть царь, заботящийся о стране.

Деспотическому государству противопоставляется патриархальное царство с царем, который самолично управляет народом и заботится о благосостоянии его. Точный перевод стиха должен быть таков: «Преимущество же страны всегда в царе, преданном полю». Выражение «полю» (lesadeh) указывает на земледелие, как главное занятие народа и главный предмет заботливости патриархального царя.

Еккл.5:9. Кто любит серебро, тот не насытится серебром, и кто любит богатство, тому нет пользы от того. И это – суета!

Сребролюбец не в силах утолить своей жажды к богатству и, потому, всегда остается неудовлетворенным и несчастливym.

Еккл.5:10. Умножается имущество, умножаются и потребляющие его; и какое благо для владеющего им: разве только смотреть своими глазами?

Еккл.5:11. Сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест; но пресыщение богатого не дает ему уснуть.

"Потребляющие его«. По мнению одних, здесь разумеются члены фамилии, по мнению других – слуги и компаньоны, расточающие богатство хозяина. В том и другом случае, богатому приходится не столько пользоваться своим богатством, сколько смотреть, как пользуются им другие.

Еккл.5:12. Есть мучительный недуг, который видел я под солнцем: богатство, сберегаемое владельцем его во вред ему.

Еккл.5:13. И гибнет богатство это от несчастных случаев: родил он сына, и ничего нет в руках у него.

Еккл.5:14. Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет от труда своего, что мог бы он понести в руке своей.

Еккл.5:15. И это тяжкий недуг: каким пришел он, таким и отходит. Какая же польза ему, что он трудился на ветер?

Еккл.5:16. А он во все дни свои ел впотьмах, в большом раздражении, в огорчении и досаде.

Екклезиаст приводит случай, когда богатство не только не дает счастья, но и делает человека положительно несчастным. Неожиданная потеря богатства, в особенности когда есть дети, есть величайшее несчастье, которое гораздо тяжелее всегдашней бедности.

Еккл.5:17. Вот еще, что я нашел доброго и приятного: есть и пить и наслаждаться добром во всех трудах своих, какими кто трудится под солнцем во все дни жизни своей, которые дал ему Бог; потому что это его доля.

Еккл.5:18. И если какому человеку Бог дал богатство и имущество, и

дал ему власть пользоваться от них и брать свою долю и наслаждаться от трудов своих, то это дар Божий.

Еккл.5:19. Недолго будут у него в памяти дни жизни его; потому Бог и вознаграждает его радостью сердца его.

Показав суетность богатства, Екклезиаст возвращается к своему выводу, что самое лучшее в жизни – наслаждаться добрым трудом и пользоваться земными благами в той мере, в какой посылает их Бог, не обременяя себя мучительными заботами о приумножении богатства. Мысль Екклезиаста в сущности та же, что и в словах Спасителя: »не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы" (Мф 6.34).

Глава 6

1–9. Неуменье пользоваться богатством. 10–12. Бессилие человека и суетность жизни.

Еккл.6:1. Есть зло, которое видел я под солнцем, и оно часто бывает между людьми:

Еккл.6:2. Бог дает человеку богатство и имущество и славу, и нет для души его недостатка ни в чем, чего не пожелал бы он; но не дает ему Бог пользоваться этим, а пользуется тем чужой человек: это – суета и тяжкий недуг!

Еккл.6:3. Если бы какой человек родил сто *детей*, и прожил многие годы, и еще умножились дни жизни его, но душа его не наслаждалась бы добром и не было бы ему и погребения, то я сказал бы: выкидыш счастливее его,

Еккл.6:4. потому что он напрасно пришел и отошел во тьму, и его имя покрыто мраком.

Еккл.6:5. Он даже не видал и не знал солнца: ему покойнее, нежели тому.

Еккл.6:6. А тот, хотя бы прожил две тысячи лет и не наслаждался добром, не все ли пойдет в одно место?

Екклезиаст продолжает развивать свою излюбленную мысль о неумении людей пользоваться богатством и, вообще, жизнью. Очень часто случается, что люди, обладающие большими богатствами, не извлекают из них никаких радостей. На их долю приходятся лишь труды и заботы, а жизненные радости достаются другим. Эти богачи, не видевшие при жизни ни света, ни радости, несчастнее выкидышей, так как они сходят в шеол с горьким сознанием бессмысленно проведенной жизни. «Не было бы ему и погребения», т.е. не испытавши радостей при жизни, они не встретили сочувствия и почета по смерти.

Еккл.6:7. Все труды человека – для рта его, а душа его не насыщается.

Все труды человека имеют свою целью приобретение благ и удовлетворение потребностей. Но желания человека безграничны, и он вместо того, чтобы наслаждаться тем, что имеет, стремится лишь к новым приобретениям.

Еккл.6:8. Какое же преимущество мудрого перед глупым, какое – бедняка, умеющего ходить перед живущими?

"Бедняка умеющего ходить пред живущими«, т. е. бедняка, умеющего жить в общении с людьми и, таким образом, проводить приятную и

спокойную жизнь. Преимущество мудрого перед глупым состоит в том, что в то время как богатый скупец в мрачном уединении избегает людей, мудрый наслаждается общением с людьми, менее всего думая о приумножении богатства.

Еккл.6:9. Лучше видеть глазами, нежели бродить душою. И это – также суета и томление духа!

Лучше созерцать глазами то, что есть, чем скитаться душой среди неосуществимых надежд и невыполнимых желаний. Лучше наслаждаться тем немногим, что имеешь, чем жить в постоянных заботах о будущем. Екклезиаст, однако, не забывает, что созерцание глазами, т. е. доступные человеку радости вовсе не составляют полного счастья, Ithron. Они, в сущности, тоже суетны, так как скоропреходящи.

Еккл.6:10. Что существует, тому уже наречено имя, и известно, что это – человек, и что он не может препираться с тем, кто сильнее его.

Еккл.6:11. Много таких вещей, которые умножают суету: что же для человека лучше?

Еккл.6:12. Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит как тень? И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?

Неизменность существующего порядка, невозможность для человека препираться с его Творцом и многое другое умножают суету жизни. Человеку, поневоле, приходится довольствоваться немногим, так как он не знает лучшего счастья, и будущее ему неизвестно.

Глава 7

1–23. Нравственные наставления Екклезиаста. 24–29. Развращенность женщины.

Еккл.7:1. Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти – дня рождения.

Еккл.7:2. Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира; ибо таков конец всякого человека, и живой приложит *это* к своему сердцу.

Еккл.7:3. Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше.

Еккл.7:4. Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья.

Еккл.7:5. Лучше слушать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых;

Еккл.7:6. потому что смех глупых то же, что треск тернового хвоста под котлом. И это – суета!

До 7-ой главы то отношение к жизни, которому научал Екклезиаст, то «лучшее», что находил он в жизни, было указано им кратко и обще. Благодаря этому, его наставления могли подать повод к слишком одностороннему пониманию. Могло показаться (так не раз и случалось), что Екклезиаст приглашает к эпикурейскому наслаждению жизнью, к извлечению из нее всевозможных удовольствий и особенно чувственных. Его «ешь, пей, веселись» могло быть понято, как призыв к разнузданному веселью на жизненном пиру, как приглашение брать от жизни возможно больше наслаждений, не смущаясь мыслью о неизвестном будущем. Глава седьмая устраняет всякую возможность такого перетолкования и устанавливает истинный смысл наставлений Екклезиаста.

Внушая «веселиться», он имел в виду не то легкомысленное, пошлое веселье среди мирских забав и развлечений, которое оставляет по себе ощущение пустоты и нравственной неудовлетворенности, но светлое, праздничное настроение, которое во всем совершающемся видит проявление Божественного Разума и, потому, умеет извлекать минуты чистой, безмятежной радости даже из самых страданий, будут ли они чужие или собственные. Внутренний опыт научил Екклезиаста, что созерцание человеческих страданий и даже смерти вызывает в душе ту особенную полноту нравственного чувства, которая создает более прочное счастье, чем все пошлые развлечения, столь же кратковременные, как

треск тернового хвороста (ст. 6). Человек научается тогда понимать истинный смысл жизни, примиряться со злом, не бояться смерти, оставаться безмятежно радостным при всех обстоятельствах жизни. В виду этого, Екклезиаст советует предпочитать день смерти дню рождения, дом плача – дому пира, сетование – смеху, обличения мудрых – песням глупых. «При печали лица сердце делается лучше», точнее с еврейского: делается веселее, счастливее (ср. Еккл 11.9; Суд.19:9; Руфь 3.7).

Еккл.7:7. Притесняя других, мудрый делается глупым, и подарки портят сердце.

"И подарки портят сердце«. Разумеются, преимущественно, подарки должностным лицам.

Еккл.7:8. Конец дела лучше начала его; терпеливый лучше высокомерного.

Еккл.7:9. Не будь духом твоим поспешен на гнев, потому что гнев гнездится в сердце глупых.

Еккл.7:10. Не говори: «отчего это прежние дни были лучше нынешних?», потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом.

Екклезиаст предостерегает от того угрюмого и нетерпеливого недовольства, которое во всем старается отыскать дурное.

Еккл.7:11. Хороша мудрость с наследством, и особенно для видящих солнце:

"Хороша мудрость с наследством, и особенно для видящих солнце". Частица ׀ имеет здесь, как в Еккл 2.16, значение «ровно как», «подобно». Следовательно, можно перевести: хороша мудрость как и наследство, и преимущественнее (наследства) для видящих солнце, т. е. для людей.

Еккл.7:12. потому что под сенью ее *то же*, что под сенью серебра; но превосходство знания в *том*, что мудрость дает жизнь владеющему ею.

Преимущество мудрости в том, что она дает жизнь, – жизнь не только истинно-нравственную, но и физическую, поскольку отвращает человека от страстей, губящих тело.

Еккл.7:13. Смотри на действие Божие: ибо кто может выпрямить то, что Он сделал кривым?

Еккл.7:14. Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй: то и другое соделал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него.

"Не мог сказать против Него". ׀ (как в Еккл 3.22, 6.12) значит: после него. Следует перевести: не мог сказать после себя. Для того Бог посылает человеку благополучие и несчастье, чтобы он не знал будущего и чувствовал постоянную зависимость от Бога.

Еккл.7:15. Всего насмотрелся я в суетные дни мои: праведник гибнет в праведности своей; нечестивый живет долго в нечестии своем.

Еккл.7:16. Не будь слишком строг, и не выставляй себя слишком мудрым; зачем тебе губить себя?

"Не будь слишком строг«, буквально: не будь слишком праведен. В этих словах некоторые видели выражение стоического принципа жить сообразно с природой и стоического понятия о добродетели, как искусстве *μεσος ἔχειν* – держаться середины. На самом же деле, продолжая развивать свою прежнюю мысль о разумном наслаждении жизнью, Екклезиаст предостерегает здесь лишь от излишнего педантизма и узкого ригоризма, в силу превратных нравственных понятий стремящегося изгнать из жизни все невинные радости, вполне дозволенные удовольствия.

Еккл.7:17. Не предавайся греху, и не будь безумен: зачем тебе умирать не в свое время?

Однако, в стремлении к счастью человек не должен переходить границы дозволенного, так как всякий грех ускоряет не только нравственную, но и физическую смерть.

Еккл.7:18. Хорошо, если ты будешь держаться одного и не отнимать руки от другого; потому что кто боится Бога, тот избежит всего того.

Мудрый человек сумеет найти середину и избежать крайностей бездушного ригоризма и нравственной распущенности, разумно пользуясь жизнью и оставаясь праведным. Некоторые толкователи находят здесь намеки на фарисейский ригоризм и распущенность саддукеев.

Еккл.7:19. Мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей, которые в городе.

Еккл.7:20. Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы;

Еккл.7:21. поэтому не на всякое слово, которое говорят, обращай внимание, чтобы не услышать тебе раба твоего, когда он злословит тебя;

Еккл.7:22. ибо сердце твое знает много случаев, когда и сам ты злословил других.

Еккл.7:23. Все это испытал я мудростью; я сказал: «буду я мудрым»; но мудрость далека от меня.

Ту же мысль выразил Соломон в своей молитве – именно в словах: »ибо нет человека, который не грешил бы« (3Цар 8.46). Эта мысль легко связывается с последующими стихами, в которых внушается снисходительность к людям; но связь ее с предшествующим не ясна. А, между тем, 20-й стих начинается частицей *כִּי* (ki), которая указывает на то, что этот стих содержит обоснование предшествующей мысли. Ход мыслей

вероятно таков: необходимо заботиться о приобретении мудрости, охраняющей человека и от излишней строгости и от нравственной распущенности, так как нет человека на земле, который делал бы и не грешил.

Еккл.7:24. Далеко то, что было, и глубоко – глубоко: кто постигнет его?

Еккл.7:25. Обратился я сердцем моим к тому, чтобы узнать, исследовать и изыскать мудрость и разум, и познать нечестие глупости, невежества и безумия, –

Начало стиха правильное перевести так: «далеко то, что есть, и глубоко-глубоко», т. е. далеко и глубоко отстоит от человеческого ведения все существующее, «дела, которые делает Бог» (Еккл.3.11). Ср. Иов.28.12–22.

Еккл.7:26. и нашел я, что горче смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею.

Вникая глубже в причину греха, несчастья, безумия, Екклезиаст находит, что она находится отчасти в женщине. Женщина – сеть и силки для человека слабого.

Еккл.7:27. Вот это нашел я, сказал Екклесиаст, испытывая одно за другим.

Еккл.7:28. Чего еще искала душа моя, и я не нашел? – Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел.

Отсюда Екклезиаст заключает, что женщина вообще в нравственном отношении испорченнее и развращеннее мужчины. Осуждение женщины у Екклезиаста не безусловно. В другом месте (Еккл.9.9) жизнь с женой он считает одним из благ, доступных человеку.

Еккл.7:29. Только это я нашел, что Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы.

Екклезиаст предупреждает возможный неправильный вывод из его предшествующих рассуждений. Бог, сотворивший человека правым, не есть виновник нравственной развращенности людей вообще и женщин в частности. Бог создал человека правым, т. е. нравственно здоровым, способным идти правым путем и не грешить. «А люди пустились во многие помыслы», буквально: выдумки, мудрования (Ср. 2Пар.26.15: "и сделал он в Иерусалиме искусно придуманные машины").

Глава 8

1–7. Поведение мудрого. 9–14. Судьба праведных и нечестивых. 15–17. Лучшее в жизни.

Еккл.8:1. Кто – как мудрый, и кто понимает значение вещей? Мудрость человека просветляет лицо его, и суровость лица его изменяется.

Никто не может понять сущность вещей так, как мудрый. Это глубокое понимание жизни создает в мудром радостное, покойное, все примиряющее настроение, отражающееся и на его наружности. Евр. *dabar* значит и вещь, и слово. Отсюда LXX, славянский, сирийский перевод и Иероним перевели: «значение слова» – именно, изречения, высказанного в следующем стихе.

Еккл.8:2. *Я говорю: слово царское храни, и это ради клятвы пред Богом.:*

Пред словами: «слово царское храни», в еврейском тексте стоит местоимение первого лица – «я», при котором подразумевается глагол: говорю! О верноподданической клятве говорится в 4Цар 11.17 и др.

Еккл.8:3. Не спеши уходить от лица его, и не упорствуй в худом деле; потому что он, что захочет, все может сделать.

Еккл.8:4. Где слово царя, там власть; и кто скажет ему: «что ты делаешь?»

Екклезиаст внушает повиновение и такт в отношении к царю, мотивируя это могуществом и безответственностью последнего. «Не спеши уходить от лица его». По мнению одних комментаторов, Екклезиаст предостерегает здесь от самовольного отпадения от царя, от оставления верности и послушания ему. Другие видят здесь совет Екклезиаста не приходить в раздражение и не уходить от царя с негодованием, если он окажется в чем-либо неблагоклонным. В последнем случае слово *dabar* понимается в смысле «слова», а не «дела», и дальнейшее выражение переводится так: «не упорствуй в худом слове». Второе толкование подтверждается Еккл 10.4. И кто скажет ему: что ты делаешь? Этот оборот служит обыкновенно для описания всемогущества Божия (Иов 9.1–2; Ис 45.9; Дан 4.32; Прем.12:12). Здесь он применен к неограниченному царю деспотического государства.

Еккл.8:5. Соблюдающий заповедь не испытает никакого зла: сердце мудрого знает и время и устав;

Еккл.8:6. потому что для всякой вещи есть свое время и устав; а человеку великое зло оттого,

Еккл.8:7. что он не знает, что будет; и как это будет – кто скажет ему?

Как в этом, так и во всяких других обстоятельствах, мудрость сумеет предотвратить зло. Мудрый знает, что всему есть время и устав и, потому, старается все понять, ко всему примениться, не пытаясь вступать в бесплодную борьбу с неизбежным и неизвестным ходом вещей, властвующих над самой жизнью. Не будучи в состоянии предвидеть исхода своих предприятий, не думая о том, что для всякого дела есть свое время, свой суд, люди часто впадают в великие несчастья за свои попытки изменить существующий порядок вещей, существующие формы общественной жизни. Под «заповедью» в 5-ом ст. ближе всего разуметь повеления и законы царя, хотя в дальнейшем течении мысль Екклезиаста очевидно расширяется и дает возможность придавать этому слову нравственный смысл.

Еккл.8:8. Человек не властен над духом, чтобы удержать дух, и нет власти у него над днем смерти, и нет избавления в этой борьбе, и не спасет нечестие нечестивого.

Человек не в состоянии бороться с установленным порядком вещей, так как последний господствует над самой его жизнью. В этой борьбе он никогда не встретит пощады, от неумолимого конца не спасет его никакое беззаконие, никакое отступление от закона (от правил борьбы).

Еккл.8:9. Все это я видел, и обращал сердце мое на всякое дело, какое делается под солнцем. Бывает время, когда человек властвует над человеком во вред ему.

Еккл.8:10. Видел я тогда, что хоронили нечестивых, и приходили и отходили от святого места, и они забываемы были в городе, где они так поступали. И это – суета!

Екклезиаст отмечает факт видимой несправедливости, когда нечестивые удостоивались почетного погребения, напротив, праведники лишались его. Ст. 10 можно перевести так: «видел я тогда, что нечестивые были погребаемы и приходили (разумеется в могилу, ср. Ис 62.2), но далеко удалялись от святого места (Иерусалима, храма или гроба) и были забываемы в городе те, которые поступали право». LXX и Вульгата, неправильно прочитав подлинник, перевели «восхваляемы» (ср. слав.) вместо «забываемы». Еврейское *ken*, в данном месте, значит: «справедливо», «так, как следует» (ср. 4Цар 7.9; Чис 36.5).

(Еккл.8:11.) Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло.

(Еккл.8:12.) Хотя грешник сто раз делает зло и коснеет в нем, но я знаю, что благо будет боящимся Бога, которые благоговеют пред лицом

Его;

(Еккл.8:13.) а нечестивому не будет добра, и, подобно тени, недолго продержится тот, кто не благоговеет пред Богом.

Хотя беззакония людей долгое время остаются ненаказанными, Екклезиаст все же верит, что, в свое время, Бог воздаст каждому по заслугам. Вера в праведное воздаяние выражается им решительно, но выражается догматически («я знаю») не как несомненный факт наблюдаемой действительности, но как безусловное требование религиозного сознания. Екклезиаст не имеет ясного представления о том, когда, как и при каких обстоятельствах обнаружится Божественное воздаяние, он не говорит, будет ли это в земной или загробной жизни; он убежден лишь в одном, что Бог должен воздать каждому по заслугам. Выражение же: «недолго продержится тот, который не благоговеет пред Богом», скорее говорит за то, что Екклезиаст верит в воздаяние на земле.

Еккл.8:14. Есть и такая суэта на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников. И сказал я: и это – суета!

Так как идея праведного воздаяния вытекала у Екклезиаста не из данных опыта, а из религиозной веры, то он не в силах был примирить ее с фактами страданий праведников и благоденствия грешников. Эти факты несколько не потеряли своей очевидности в глазах Екклезиаста и после того, как он выразил свою непоколебимую веру в праведное воздаяние. Он снова с горечью останавливается на них, показывая тем, что в своей вере он не нашел еще полного успокоения.

Еккл.8:15. И похвалил я веселье; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем.

Еккл.8:16. Когда я обратил сердце мое на то, чтобы постигнуть мудрость и обозреть дела, которые делаются на земле, и среди которых человек ни днем, ни ночью не знает сна, –

Еккл.8:17. тогда я увидел все дела Божии и нашел, что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого; и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть *этого*.

Горькое сознание невозможности примирить веру с печальными фактами жизни приводит Екклезиаста к его излюбленной мысли, что следует трудиться и наслаждаться жизнью, не стремясь постигнуть того, чего постичь невозможно.

Глава 9

1–6. Смерть – удел всех. 7–10. Правильное пользование жизнью. 11–12. Сила случая. 13–18. Сила мудрости.

Ближе всматриваясь в судьбу праведников, Екклезиаст находит новое доказательство суетности человеческой жизни и необходимости довольствоваться теми немногими радостями, которые доступны людям.

Еккл.9:1. На все это я обратил сердце мое для исследования, что праведные и мудрые и деяния их – в руке Божией, и что человек ни любви, ни ненависти не знает во всем том, что перед ним.

Праведники и мудрые находятся в полной зависимости от Бога. Даже их действия и чувства не вполне обуславливаются их свободной волей, но подчинены бывают времени и случаю. Человек не может предвидеть, где и когда зародится в нем любовь или ненависть, и не в силах любовь превратить в ненависть, ненависть в любовь. «Во всем том, что перед ним», т. е. во всем, что предстоит ему, что случится с ним.

Еккл.9:2. Всему и всем – одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и [злому], чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы.

"Всему и всем – одно«. Буквальнее с еврейского: «всё, как всем» (LXX и славянский неправильно перевели: «суета во всех»), т. е. с праведниками всё случается, как со всеми людьми. Одна участь – смерть – и для праведников и для грешников. После слова «доброму» LXX, Вульгата и сирийский перевод прибавляют «злому» (см. слав. – «Случай един праведному и нечестивому, благому и злому, и чистому и нечистому... яко кляныйся, тако и бояйся клятвы»). Возможно, что таково было первоначальное чтение и в подлиннике. «Клянущемуся». Следует разуметь не вообще произносящего клятву, так как Екклезиаст, как видно из Еккл. 8.2, не считает ее грехом, но призывающего имя Божие всуе (Исх 20.7), без нужды, легкомысленно и даже ложно. Такая клятва у пророка Захарии ставится наряду с воровством (Еккл. 5.3). Некоторые экзегеты под боящимися клятвы и не приносящими жертвы разумеют ессеев, отрицавших клятву и жертвы. Но о столь раннем возникновении ессейской секты мы ничего не знаем из исторических памятников.

Еккл.9:3. Это-то и худо во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они *отходят* к умершим.

Великое зло в том, что участь и праведников и грешников – одна. Те и другие одинаково умирают и отходят в шеол.

(Еккл.9:4.) Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву.

(Еккл.9:5.) Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению,

(Еккл.9:6.) и любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более части во веки ни в чем, что делается под солнцем.

В шеоле же все равны, все равно ничтожны, ничтожны настолько, что жизнь самого незначительного человека ценнее пребывания в шеоле великого человека, так как умершие не знают ни надежды, ни воздаяния, ни любви, ни ненависти и, вообще, не имеют части ни в чем, что делается под солнцем.

Все проявления духовной жизни человека, любовь, ненависть, знание, мудрость, размышление (ст. 10) Екклезиаст ставит в неразрывную связь с условиями земного существования как явления, возможные лишь «под солнцем», в соединении с телом. С разрушением тела прекращаются и жизненные проявления, наступает состояние глубокого сна, состояние полужизни. При таком представлении о загробной жизни, разумеется, не могло быть речи о различии в судьбе праведников и грешников, о воздаянии за гробом; утверждая, вообще, существование суда Божия, Екклезиаст нигде не распространяет его на потустороннюю жизнь. Мало того, он описывает ее в чертах, исключающих всякую мысль о воздаянии.

Еккл.9:7. *Итак иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим.*

Еккл.9:8. *Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей.*

Еккл.9:9. *Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем.*

Еккл.9:10. *Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости.*

Свои печальные размышления Екклезиаст заключает, по обыкновению, призывом к наслаждению жизнью. Чем мрачнее будущее человека, тем более он должен ценить радости земного существования.

Еккл.9:11. *И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у*

разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их.

Еккл.9:12. Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них.

Но взирая радостными глазами на жизнь, человек ни на одну минуту не должен забывать о своей зависимости от времени и случая; он должен приготовиться ко всякой случайности, так как обыкновенно случается, что внешний успех не соответствует внутреннему достоинству человека. Благодаря полной неизвестности будущего человек не в состоянии бывает предупредить печальное для него стечение обстоятельств.

Еккл.9:13. Вот еще какую мудрость видел я под солнцем, и она показала мне важную:

Еккл.9:14. город небольшой, и людей в нем немного; к нему подступил великий царь и обложил его и произвел против него большие осадные работы;

Еккл.9:15. но в нем нашелся мудрый бедняк, и он спас своею мудростью этот город; и однако же никто не вспоминал об этом бедном человеке.

Еккл.9:16. И сказал я: мудрость лучше силы, и однако же мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают.

Еккл.9:17. Слова мудрых, *высказанные* спокойно, выслушиваются *лучше*, нежели крик властелина между глупыми.

Еккл.9:18. Мудрость лучше воинских орудий; но один погрешивший погубит много доброго.

Но даже и здесь мудрость спасает человека от многих зол и умеет, иногда, направить ход событий ко благу людей. Хотя мудрость часто бывает предметом пренебрежения, однако она сильнее крика властелина, сильнее воинских орудий. «Однако же никто не вспоминал об этом бедном человеке». Одни толкователи видят здесь указание на прежнюю неизвестность бедного человека до спасения города, другие – на скорое забвение его заслуг современниками. Контекст и грамматическое построение допускают то и другое понимание. Трудно сказать, взял ли Екклезиаст возможный случай или воспользовался определенным историческим фактом, чтобы иллюстрировать свою мысль. Некоторые толкователи видели в бедном и мудром человеке образ презренного Израиля.

Глава 10

Свойства и поведение мудрого и глупого.

Еккл.10:1. Мертвые мухи портят и делают зловонною благовонную масть мироварника: то же делает небольшая глупость уважаемого человека с его мудростью и честью.

Не только один грешник может погубить много доброго, но даже один глупый поступок, так сказать, небольшая доза глупости может поколебать и погубить нравственное достоинство человека, его мудрость и честь, подобно мертвой мухе, попавшей в благовонную масть. «Малая закваска все тесто квасит» – говорит Апостол (1Кор 5.6)³.

Еккл.10:2. Сердце мудрого – на правую сторону, а сердце глупого – на левую.

"Правый", "правая сторона», как и во всех языках, выражает понятие истинно доброго, справедливого; «левый», «левая сторона», напротив – понятие ложного, злого, несправедливого.

Еккл.10:3. По какой бы дороге ни шел глупый, у него *всегда* недостает смысла, и всякому он выскажет, что он глуп.

"По какой бы дороге ни шел глупый, у него (всегда) недостает смысла«. Точнее следует перевести: «и по дороге, когда глупый идет, ему недостает смысла», т. е. глупый не делает ни одного шага, чтобы не обнаружить своей глупости. «И всякому он выскажет, что он глуп», т. е. всякому покажет свою глупость. Перевод Иеронима и Симмаха: «он всякого считает за глупого».

Еккл.10:4. Если гнев начальника вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего; потому что кротость покрывает и большие проступки.

Екклезиаст продолжает характеристику мудрого и глупого. Мудрый человек должен спокойно относиться к раздражению своего начальника, не спешить оставлять свое место, зная, что незаслуженный гнев начальника пройдет, что спокойствие и кротость обезоруживает людей в случаях даже серьезных проступков.

Еккл.10:5. Есть зло, которое видел я под солнцем, это – как бы погрешность, происходящая от властелина:

Еккл.10:6. невежество поставляется на большой высоте, а богатые сидят низко.

Еккл.10:7. Видел я рабов на конях, а князей ходящих, подобно рабам, пешком.

По вине правителей глупые и недостойные уважения остаются в

унижении и презрении. Ст. 5 можно по другому передать так: «есть зло, которое видел я под солнцем, подобное погрешности, происходящей от властелина» (славянский текст – «Есть лукавство, еже видех под солнцем, аки неволью изыде от лица владеющаго»). "Богатые сидят низко»; разумеются лица знатных и заслуженных родов. Случаи, указанные Екклезиастом, часто имели место в персидском царстве.

Еккл.10:8. Кто копает яму, тот упадет в нее, и кто разрушает ограду, того ужалит змей.

Еккл.10:9. Кто передвигает камни, тот может надсадить себя, и кто колет дрова, тот может подвергнуться опасности от них.

Еккл.10:10. Если притупится топор, и если лезвие его не будет отточено, то надобно будет напрягать силы; мудрость умеет это исправить.

Связь этих стихов с предшествующими понимается различно. Одни находят здесь изображение тех интриг, путем которых добивались высокого положения низшие и глупые люди. Другие видят в этих стихах продолжение характеристики мудрого и глупого. Кто неосторожно берется за рискованные и опасные предприятия, к своей ли выгоде или ко вреду другим, тот легко может повредить себе. Мудрость же научит человека соразмерять желания со своими силами, не расточать непроизводительно своей энергии. Она заранее сознает всю опасность и всю трудность каждого предприятия и умеет во время устранить их. «Мудрость умеет это исправить»; точнее с еврейского: «преимущество успешного действия – мудрость».

Еккл.10:11. Если змей ужалит без заговаривания, то не лучше его и злоязычный.

Этот стих следует перевести так: «если змей ужалит незаговоренный, то не имеет никакой пользы заклинатель» (славянский текст – «Аще угрызнет змий не во шепте, и несть излишества обавающему»). Заклинание, по этим словам, предполагается ранее укушения. Пс 57.5 говорит о змее, который жалит, не допуская над собой заклинания. В образной речи Екклезиаст указывает на бесполезность запоздалых действий.

Еккл.10:12. Слова из уст мудрого – благодать, а уста глупого губят его же:

Еккл.10:13. начало слов из уст его – глупость, а конец речи из уст его – безумие.

Болтливость глупого распространяется и на такие предметы, которых человек не может знать, и о которых ему никто не скажет.

Еккл.10:14. Глупый наговорит много, *хотя* человек не знает, что будет, и кто скажет ему, что будет после него?

Еккл.10:15. Труд глупого утомляет его, потому что не знает *даже* дороги в город.

Незнание дела, незнание самых простых вещей, например, дороги в город, неумение найти защиту своих интересов у городского судьи, делает труд глупого утомительным и бесплодным.

Еккл.10:16. Горе тебе, земля, когда царь твой отрок, и когда князья твои едят рано!

Еккл.10:17. Благо тебе, земля, когда царь у тебя из благородного рода, и князья твои едят вовремя, для подкрепления, а не для пресыщения!

Особенно велико несчастье от глупых людей, когда они оказываются царями и правителями. «Царь твой – отрок», т. е. с детским умом, глупый. У Исаии (Ис 3.12) дурные правители названы детьми и женщинами. «Князья твои едят рано», т. е. ведут невоздержную и беспечную жизнь (ср. Ис 5.11 и сл.).

Еккл.10:18. От лени обвиснет потолок, и когда опустятся руки, то протечет дом.

Еккл.10:19. Пирьи устраиваются для удовольствия, и вино веселит жизнь; а за все отвечает серебро.

Как от лени хозяина приходит в упадок дом, так разрушается и государство от ленивых и невоздержных правителей, обирающих свой народ.

Еккл.10:20. Даже и в мыслях твоих не злословь царя, и в спальне твоей не злословь богатого; потому что птица небесная может перенести слово *твое*, и крылатая – пересказать речь *твою*.

Сказав, что глупые и ленивые правители – несчастье для страны, Екклезиаст спешит дать практический совет не осуждать и таких правителей, так как неодобрительные ответы о них какими-то неведомыми путями обыкновенно доходят до их ушей.

Глава 11

1–6. Увещание к благотворительности. 7–10. Призыв к наслаждению жизнью.

В главах Еккл 9.1–12 дается как бы резюме предшествующих размышлений Екклезиаста об условиях счастливой жизни. Таких условий три: доброе делание, невинные наслаждения и полная преданность Божественному провидению. Первое условие раскрыто в Еккл 11.1–6, второе – в Еккл 11.7–10, третье – в Еккл 12.1–7.

Еккл.11:1. Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его.

В образных выражениях Екклезиаст призывает к самой широкой благотворительности, чуждой всякого расчета на личную выгоду («по водам»). Всякая жертва со временем принесет свой плод жертвователю. Некоторые толкователи думают, что Екклезиаст побуждает здесь своих современников к торговой предприимчивости, к смелым коммерческим операциям на море. Но, как видно из других мест книги, Екклезиаст старался скорее сдержать излишнюю предприимчивость богатых людей, всю жизнь проводивших в заботах о приумножении богатства. Из следующего стиха ясно, что речь здесь о благотворительности.

Еккл.11:2. Давай часть семи и даже восьми, потому что не знаешь, какая беда будет на земле.

"Семь и даже восемь» указывают на возможно более полное число людей, с которыми следует делиться своим имуществом.

Еккл.11:3. Когда облака будут полны, то они прольют на землю дождь; и если упадет дерево на юг или на север, то оно там и останется, куда упадет.

"Если облака будут полны, то они прольют на землю дождь«. Всякая жертва вновь возвращается к жертвователю подобно тому, как испарившаяся на земле вода, наполнив собой облака, снова падает на землю. Образ дождевых облаков обычно в Библии символизирует милость, благотворительность (Притч 25.14; Сир 35.23). И если упадет дерево на юг или на север, то оно там и останется, где упадет. В мире нравственном, как и в физическом, определенные причины всегда вызывают определенные действия и, вообще говоря, человек жнет только там и только то, где и что он сеет, с такою же необходимостью, с какой упавшее дерево остается на том именно месте, куда упало.

Еккл.11:4. Кто наблюдает ветер, тому не сеять; и кто смотрит на

облака, тому не жать.

Делая добро, человек не должен проявлять излишней расчетливости, осторожности и мнительности, чтобы не остаться без всякой жатвы, подобно слишком усердно наблюдающему за ветром и облаками.

Еккл.11:5 Как ты не знаешь путей ветра и того, как образуются кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, Который делает все.

Еккл.11:6. Утром сей семя твое, и вечером не давай отдыха руке твоей, потому что ты не знаешь, то или другое будет удачнее, или то и другое равно хорошо будет.

Не зная путей Божиих, не будучи в состоянии предвидеть, где его деятельность будет плодотворна, человек должен пользоваться каждым моментом для доброй деятельности.

Еккл.11:7. Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце.

Еккл.11:8. Если человек проживет и много лет, то пусть веселится он в продолжение всех их, и пусть помнит о днях темных, которых будет много: все, что будет, – суета!

Еккл.11:9. Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд.

Еккл.11:10. И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность – суета.

В этих стихах Екклезиаст призывает к веселью и радости, пока не наступили темные дни. Человек должен наслаждаться всем, что есть приятного и красивого в мире, помня, однако, о праведном суде Божиим. »Пусть помнит о днях темных«. Дни темные, в противоположность всем годам прожитой жизни, означают дни пребывания в шеоле. »Ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих«, т. е. следуй внушениям сердца и очей, пока это не противно правде Божией. LXX увидели в этих словах противоречие с Чис 15.39, где запрещается »ходить «вслед сердца вашего и очей ваших», и, потому, перед словами: «в видении очей твоих», прибавили отрицание *μὴ* (слав. – "не«). Это отрицание однако излишне, так как из контекста ясно, что Екклезиаст говорит лишь о таких влечениях сердца, которые не противны Божественным заповедям.

Глава 12

1–8. Последнее увещание Екклезиаста. 9. Эпилог книги.

Два главнейших условия человеческого счастья – делание добра и здоровое наслаждение жизнью возможны лишь тогда, когда соединяются с религиозным настроением, с чувством полной преданности Богу. Вне религиозного настроения наслаждение жизнью неизбежно принимает извращенный вид и приводит в конце концов к тяжелому разочарованию; точно также и нравственная деятельность человека теряет свою разумность, свою цель, как скоро в явлениях мира и жизни человек ничего не видит, кроме действия слепого случая. Вот почему Екклезиаст в своем последнем увещании призывает читателя к постоянному памятованию о Боге, как Творце мира, как Первопричины всего существующего, к памятованию в течение всей жизни, а не в пору лишь старости, когда и душа и тело ощущают уже быстрое наступление вечной ночи – смерти.

Еккл.12:1. И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: «нет мне удовольствия в них!»

Доколе не пришли тяжелые дни, буквально: «дни зла», не дни загробного существования, как в Еккл.11.8, а дни старости, дни физического и психического упадка.

Еккл.12:2. доколе не померкли солнце и свет и луна и звезды, и не нашли новые тучи вслед за дождем.

Наступление мрака и туч, т. е. зимы, – образ не самой смерти, а ее предвестницы – старости.

Еккл.12:3. В тот день, когда задрожат стерегущие дом и согнутся мужи силы; и перестанут молоть мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно;

В этом и дальнейших стихах содержится образное описание старости. «Стерегущие дом» – руки, охраняющие человеческий организм от внешних опасностей. «Мужи силы» – ноги, силой мускулов поддерживающие туловище. «Мелющие» – зубы. «Смотрящие в окно» – глаза.

Еккл.12:4. и запираются будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать человек по крику петуха и замолкнут дочери пения;

"Двери на улицу» – по мнению одних, уста, по мнению других – уши. Первое вернее (ср. Иов 41.6: "кто может отворить двери лица его? (т. е.

левиафана) круг зубов его ужас!"). "Жернов« – челюсти и зубы. »Будет вставать по крику петуха«, т. е. страдать бессонницей. »Замолкнут дщери пения«, т. е. ослабеет голос.

Еккл.12:5. и высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы;

–
"Высоты будут им страшны», т. е. недоступны. «И на дороге ужасы», т. е. трудности и опасности, как действительные, так и воображаемые. «Зацветет миндаль», своим белым цветом на обнаженных ветвях зимою символизирующий старость. «Отяжелеет кузнечик», т. е. потеряет свою гибкость и подвижность туловище, спина. «И рассыплется каперс», т. е. не будет оказывать действия кипарис, ягоды и почки которого употреблялись на востоке, как возбуждающее средство. «Вечный дом», т. е. гроб (ср. Тов 3.9).

Еккл.12:6. доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем.

Образно описывается самая смерть. «Порвалась серебряная цепочка и разбилась золотая чашечка» (в русской Библии неправильно – повязка; еврейское слово означает предмет круглой формы, чашечку для елея, как Зах 4.2), т. е. порвалась нить жизни, не стало источника света и тепла; жизнь погасла. Следующие два образа дают другой символ смерти, именно: ломается колесо над колодезем и разбивается бадья у источника. Оба образа означают, вероятно, прекращение деятельности сердца, кровообращения и дыхания.

Еккл.12:7. И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его.

Тело и дух возвращаются к своему первоисточнику: тело возвращается в прах, каким оно и было (ср. Быт 3.19; Пс 103.29), а дух возвращается к Богу, Который дал его. Это возвращение к Богу нельзя понимать в смысле уничтожения личного, самостоятельного существования духа, так как Екклезиаст ясно говорит о личном существовании человека и за гробом. Если в Еккл.Зон ставит скептический вопрос, имеет ли человек преимущество перед скотом, и восходит ли дух его вверх, то здесь на оба вопроса дается утвердительный ответ и, следовательно, признается продолжение личного существования человека и после смерти. Но, подобно другим священным мудрецам, Екклезиаст не мог представить более или менее полной жизни вне связи с телом, он не

знал новозаветного учения о воскресении из мертвых и, потому, не мог возвыситься над обычным представлением о шеоле; он был еще далек от сознательной веры в блаженное состояние душ в общении с Богом.

Еккл.12:8. Суета сует, сказал Екклесиаст, всё – суета!

Понятно, что Екклесиаст не мог находить полного утешения в такой вере в загробную жизнь человека и не имел оснований отказаться от своих рассуждений о суетности жизни. Напротив, он видел здесь новое и самое сильное доказательство ее. Поэтому, в своем заключительном слове он снова повторяет: «суета сует, все суета». Лишь радостная весть Нового Завета могла освободить человека от суеты и дать ему надежду на вечное блаженство.

Еккл.12:9–14. Эпилог книги. В то время как до сих пор все речи велись от лица Екклесиаста, который повсюду говорит о себе в первом лице, в ст. 9–14 мы слышим уже другое лицо, которое отличает себя от Екклесиаста, говорит о нем в третьем лице и как бы одобряет его рассуждения. Однако это не значит еще, что конец 12-ой главы составляет позднейшую приписку. Эпилог написан тем же языком и проникнут тем же духом, что и вся книга. Отсюда, у нас нет оснований искать для него другого автора, отличного от составителя всей книги.

Еккл.12:9. Кроме того, что Екклесиаст был мудр, он учил еще народ знанию. Он *все* испытывал, исследовал, и составил много притчей.

"Мудрый" на языке библейском означал человека, который на основании просвещенного откровением разума исследовал вопросы религиозного, особенно нравственно-практического характера, стараясь применить общие Богооткровенные понятия к действительной жизни, разрешить все возникающие на этой почве недоумения и противоречия.

У евреев, со времени Соломона, существовал целый класс мудрецов-хакамов⁴, наряду с пророками и священниками, имевших сильное влияние на народ (3Цар 4.30–31; Иер 18.18; Притч 1.6, 13.21, 22.17). Уже во времена Соломона были известны мудрецы – Еоан Езрахитянин, Еман, Халкол и Дарда, мудрость которых, ставилась рядом с мудростью сынов востока и Египта (3Цар 4.30–31). Современники пророка Иеремии говорили: «не исчез закон у священника и совет у мудрого и слово у пророка» (Иер 18.18). Обычной формой выражения мысли у еврейских мудрецов, в отличие от греческих, была гномическая, состоявшая из кратких изречений, афоризмов и притчей.

Еккл.12:10. Старался Екклесиаст приискивать изящные изречения, и слова истины написаны *им* верно.

Еккл.12:11. Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди, и

составители их – от единого пастыря.

"Слова мудрых – как иглы и как вбитые гвозди«. Еврейский подлинник говорит здесь не о простых иглах, а о тех остриях, которые находятся на палках, употребляемых погонщиками и пастухами. LXX верно перевели βούκεντρα (слав. – "остны воловии»). Мысль та, что слова мудрых, подобно палке погонщика, будят людей от нравственного равнодушия и лени, понуждают их к исполнению своего долга.

"Составители их от единого Пастыря«. Единым Пастырем назван здесь Бог (ср. Пс 22.1, 27.9). Сравнив слова мудрых с палкой погонщика и пастуха, писатель естественно употреблял образ Пастыря-Бога, Который, пася Израиля, раздает мудрым жезлы с тем, чтобы они пасли людей (ср. Притч 10.21).

Еккл.12:12. А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела.

Указав на высокое значение произведений мудрых, писатель, в то же время, предостерегает своего ученика от злоупотребления книгами, как от составления, так и от чтения многих книг. Этот совет он как бы спешит применить к себе, в следующих стихах заканчивая свою книгу.

Еккл.12:13. Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека;

"Выслушаем сущность всего», буквально: «конец (вывод) всей речи». Заповедь: «бойся Бога» (взято из Еккл 5.6) «и заповеди Его соблюдай» (ср. Еккл 4.17), составляет сущность книги и, в то же время, цель человека. Лишь вера спасает человека от крайностей пессимизма с одной стороны и пошлого эвдемонизма с другой.

Еккл.12:14. ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно, или худо.

Мысль об окончательном суде Божиим, по выражению одного комментатора, есть та нить Ариадны, которая вывела Екклезиаста из лабиринта его скепсиса. Ни для мрачного уныния, ни для легкомысленного наслаждения жизнью нет места там, где есть глубокая вера в Божественное воздаяние.

Примечания

¹ - Греч. ἐκκλησία и лат. concilium имеют общий корень с евр. kahal.

² - ШЕОЛ (евр., возможно, «вопрошаемый», «неисследимый»; по-гречески переводится как «преисподняя», «ад», иногда, как «могила»), в иудаистической мифологии царство мёртвых, загробный, «нижний» или «низший» мир, противопоставляемый небу (Пс 138.8; Ам 9.2; Иов 11.8). Шеол представляется одушевлённым существом, страшным чудовищем, во многом аналогичным Тиамат в аккадской мифологии. Шеол проглатывает мёртвых, смыкая над ними свои гигантские челюсти, утроба Шеола вечно ненасытима, а душа его расширяется и волнуется в предчувствии добычи (Ис 5.14, 14.9; Авв 2.5; Пс 140.7; Притч 27.20; Иов 24.19). Различные наименования Шеола – «страна безмолвия», «земля забвения», «долина смертной тени», «погибель» (ср. Аваддон), «низший мир», «источник истребления», «врата смерти» (Пс 22.4, 106.18 и др.). Ранние библейские тексты рассматривают Шеол как место обитания всех умерших (Быт 37.35 и Быт 44.31). Лишь наиболее страшные грешники, такие, как Корей, дерзнувший восстать против самого Моисея, проваливаются сквозь землю и нисходят в Шеол живыми (Чис 16.30–33; ср. Пс 54.16; Притч 1.12). Позже, однако, распространяются представления о Шеоле как месте заключения и наказания грешных душ, которые при жизни «уподобились животным» (Пс 48.15). Заключённые в Шеол души нечестивых испытывают мучения: они «окованы скорбью и железом», пребывают в непроницаемой тьме, в хаотическом «неустройстве» (Пс 17.6, 106.10; Иов 10.21–22). Согласно пророческим книгам, преступных царей-тиранов в Шеоле заживо поедают черви (Ис 14.5–20; Иез 32.21–27). Богопротивниками тёмные силы Шеола овладевают ещё при жизни, на них набрасывается «первенец смерти» и низводит их к демоническому «царю ужасов» (Иов 18.13–14). Человеконенавистники предаются в Шеоле огню ярости Бога (Втор 32.22; Ис 66.24), обычных же грешников Бог «низводит в Шеол и возводит» (1Цар 2.6), наказанием очистив их от грехов. Кроме умерших грешников, в Шеоле обитают рефаимы, злые духи «шедим», а также «ангелы-мучители». В ветхозаветных апокрифах Шеол часто отождествляется с геенной, он предстаёт «огненной бездной», где текут пламенеющие реки для «исцеления духа» грешников («Книга Еноха» 10и 61:8; 3-я книга Ездры 7). В «Уставе» кумранской общины упоминается «позор гибели в огне мрачных областей», который противоположен «жизни в вечном свете». Согласно талмудическим сказаниям, Шеол

находится не под землёй, а как бы в ином пространстве, за «горами тьмы», так что из Шеола виден рай, и наоборот («Эрубин» 32). Шеол уподоблен «огненному мечу», охраняющему путь к древу жизни (ср. Быт 3.24), дабы злые не приобщились к вечности и этим не увековечили зло. В Шеол ведут трое врат: одни близ Иерусалима, вторые – в пустыне, а третьи – на дне морском; в то же время у Шеола 40 тысяч входов и он в 60 раз больше рая и в 3600 раз больше земного шара («Таанит» 10а). Путешественники, приближающиеся в море или в пустыне к вратам Шеола, слышат душераздирающие вопли терзаемых там грешников («Шевет-Мусар» 26). Шеол состоит из семи отделений (прообраз «кругов ада» в христианских воззрениях), и в каждом последующем огонь в 61 раз жарче, чем в предыдущем. Глубина каждого отделения – 300 лет ходьбы («Сота» 10). Шеол – это своеобразное чистилище, и мучения в нём способствуют лишь избавлению от злобы и нечистоты. Только закоренелые грешники мучаются в Шеоле больше года, причём половину этого очистительного срока душа проводит в огне, а половину – во льду («Берахот» 28; «Ялкуп Деварим» Еккл 8.92). Виды наказаний в Шеоле символизируют караемые ими грехи. Огненная река исходит из-под Престола славы и, обойдя вселенную, нисходит на грешников в Шеоле (Комментарий Авен-Эзры к Дан 7.9–10). Наиболее преступные души, отправляемые в «ссылку» к двум ледяным горам, тайно приносят оттуда снег и рассыпают его вокруг, уменьшая силу пламени, и умудряются тем самым грешить даже в Шеоле. На субботу и другие праздники души освобождаются от мук Шеола. В будущем же (эсхатологические времена) великие Архангелы Михаил и Гавриил, посланные Богом, отворят врата Шеола и «выведут за руку» всех провалившихся туда (Масехат-Гихеном к 26:19).

³ - Точный перевод второй половины 1-го стиха должен быть таков: «тяжелее чем мудрость, чем честь, весит малая глупость», т. е. один глупый, бесчестный поступок может запятнать нравственное достоинство человека, превратить в ничто его мудрость и честь.

⁴ - В период после Плена иудейские мудрецы, хакамы (от слова «хокма» – мудрость), указывали, что мудрость человеческая исходит от Премудрости Божией...

Содержание

профессор А. П. Лопухин Толковая Библия Толкование на книгу Екклесиаста, или Проповедника профессор Александр Павлович Лопухин	1
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	43
Глава 11	46
Глава 12	48
Примечания	52